

Аверкиев И.В.

Другое хорошее отношение к правам человека

За права человека в стране отвечают правозащитники, а не государство.

- Через общественные конвенции к правам человека
- Сила и слабость морального принуждения
- Общественные конвенции в защиту человеческого достоинства
- Многоликость прав человека
- Антропологический смысл общественных конвенций
- в защиту инакомыслящих, инакоделающих, инакоживущих
- Социальная миссия прав человека
- Живые и мертвые права человека
- Неконвенциональные права – что с ними делать?
- Какой человек – такие и права человека
- Другая универсальность прав человека
- Права человека, прежде всего, естественны
- Великая гуманистическая миссия правозащитников

ЧЕРЕЗ ОБЩЕСТВЕННЫЕ КОНВЕНЦИИ К ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

У всех народов во все времена существовали общественные конвенции в защиту человеческого достоинства. В Западной Европе такие конвенции стали называть «правами человека».¹

Общественная конвенция – это неформальное всеобщее согласие взрослых членов сообщества в отношении конкретных ценностей, правил поведения, представлений о мире.

Общественная конвенция – это общественное согласие, единодушие, консенсус по поводу чего-то, что важно для сообщества.

¹ Далее под правами человека будут пониматься любые общественные конвенции в защиту человеческого достоинства, а не только их «ООНовская интерпретация», зафиксированная во Всеобщей декларации прав человека.

Общественная конвенция – это очевидная общепринятость ценностей, норм или истин.

Общественная конвенция – это точка зрения, к которой в данном сообществе неприлично не присоединиться.

Общественные конвенции – это то в жизни людей, с чем все согласны, что все считают правильным, нормальным.

Общественная конвенция – это согласие о норме, о правильном.

Общественные конвенции – это обычаи и традиции.

Общественные конвенции – это «коллективные условные рефлекс».

К концу XX века среди населения русскоязычных регионов России установилась общественная конвенция в отношении детдомовского воспитания детей-сирот. Считалось нормальным, общепринятым, что неусыновленный ближайшими родственниками (бабушки и дедушки, взрослые братья и сестры) сирота должен жить в детском доме. Общественное мнение наделило государственные интернаты всей полнотой ответственности за неусыновленных сирот.

Во многих западных обществах общепринятым, нормальным считается иное, действует другая общественная конвенция – сирота должен жить в семье. Пусть не в родной, не в родственной, пусть в замещающей, в суррогатной, но в семье. По западной «сиротской конвенции» ответственность за сироту государство делит с обществом. Суррогатные семьи формируются под эгидой государства, но государство занимается этим благодаря широкой общественной поддержке, благодаря общественному спросу на суррогатные семьи, благодаря неформальной общественной конвенции – «ребенок должен жить в семье».

У многих восточных и южных народов свой вариант сиротской общественной конвенции – сирота должен жить у родственников. Пусть у самых дальних, пусть у самых бедных, но у родственников. В этих обществах, конвенционально, «по общему умолчанию», именно родственники несут за сироту всю полноту ответственности.

В настоящее время российская детдомовская конвенция постепенно лишается конвенциональности, всеобщности и дрейфует в сторону западной, семейно-замещающей.

Общественные конвенции не подписываются, но соблюдаются, как минимум, публично. Несоблюдение конвенций влечет общественное осуждение. Не соблюдать общественные конвенции стыдно. Общественное осуждение отступников гарантирует соблюдение общественных конвенций.

Нарушитель общественной конвенции воспринимается сообществом как «чужой». Настаивающий на своем нарушитель конвенции посредством специальных поведенческих правил, обрядов вытесняется на социальную

периферию или даже изгоняется из сообщества, становясь изгоем, отступником, выродком, отщепенцем, маргиналом. Не соблюдать общественные конвенции страшно.

В ученических, криминальных, армейских и в прочих искусственно созданных сообществах России, и не только России, существует жесткая общественная конвенция, запрещающая членам сообщества разрешать межличностные конфликты с помощью официальных процедур, апеллируя к официальным лицам (запрет на «стукачество»). Нарушители конвенции (ябеды, стукачи, жалобщики, «козлы») становятся «чужими» и вытесняются, изгоняются, преследуются, загоняются во «внутреннее гетто» – «опускаются» (лишаются всех прав). Межличностных конфликтов в этих сообществах много, но нарушителей конвенции очень мало, потому что очень стыдно и страшно ее нарушать.

Присоединение к конвенциям сообщества – это способ войти в сообщество. Соблюдение конвенций сообщества – единственный способ в нем остаться.

Соблюдение дресс-кода – общественной конвенции по поводу манеры одеваться – является важнейшим условием вхождения и закрепления во многих молодежных субкультурных сообществах.

Принадлежность к сообществу – единственный способ обрести **человеческую** идентичность, чувствовать себя человеком. Поступать по-человечески – значит соблюдать общественные конвенции своего сообщества (сообществ). Общечеловеческих общественных конвенций не существует. Человечество, вид Homo sapiens, не существует как реальное сообщество. Невозможно поступать по-человечески **вообще**, никто не знает, как это делать. Как принято поступать по-человечески, человек узнает, соблюдая общественные конвенции тех сообществ, частью которых является.

Несоблюдение членом сообщества общественных конвенций → изгнание из сообщества (физическое или символическое) → потеря идентичности → «экзистенциальный стресс» → поиск другого сообщества → присоединение к его конвенциям → допуск в сообщество → обретение идентичности → «экзистенциальный покой».

Количество и предметный перечень поводов, по которым люди вырабатывают общую позицию, могут очень отличаться в разных сообществах как по вертикали (от нации до семьи), так и по горизонтали (от одной нации к другой, от одной молодежной субкультуры к другой). Но «главное меню» во всех человеческих сообществах одного типа более или менее одинаковое. Например, все нации, народы, этносы вырабатывают «конвенциональные комплексы» по поводу того, как устроен мир, как создается семья, как индивид может влиять на жизнь сообщества, и еще тысячи таких «комплексов» и сотни тысяч конвенций, которые бесполезно

считать, классифицировать, отделять одну от другой. Конвенции растворяются в человеческой жизни, проявляясь на мгновение как конкретная реакция на конкретный раздражитель. Их нет, потому что их не измерить, даже толком не назвать, и они есть, потому что они управляют жизнью людей и живут по своим законам: общественные конвенции определенным образом появляются, по определенным правилам подчиняют себе жизнь людей, при определенных обстоятельствах умирают.

Сообщество – это общественная конвенция по поводу принадлежности к нему. Члены сообщества – это люди, повязанные взаимным согласием по поводу принадлежности к сообществу.

Общественные конвенции – явления нематериального мира: их нельзя увидеть, зачастую их трудно сформулировать, но каждый человек очень остро чувствует их наличие. Общественные конвенции – продукт «коллективного разума», «общественного мнения», «массового сознания». Общественные конвенции могут формально закрепляться, принимать форму писаного права, но живут и развиваются по своим законам. Общественные конвенции невозможно создать, они формируются естественно, под влиянием множества факторов. Но влиять на конвенции, безусловно, возможно.

По роли в жизни общества общественные конвенции очень разнообразны и существуют в общественном сознании под многочисленными названиями: «традиции», «аксиомы», «обычаи», «истины», «нормы обычного права», «нормы морали», «здравый смысл», «предрассудки», «верования», «естественные права» и т.д. и т.п. Но можно выделить три основных типа общественных конвенций (по объекту): **конвенции о ценностях, конвенции о нормах, конвенции об истинах** (истина в обыденном смысле – как очевидное, общепринятое знание).

На практике существование общественной конвенции в отношении той или иной нормы, ценности или очевидного знания не означает, что у каждого взрослого человека в голове на самом видном месте расположены фразы вроде: «земля вращается вокруг солнца» или «в моей стране никого нельзя произвольно арестовывать». На практике существование общественной конвенции означает лишь, что любой взрослый человек, узнав о произвольном аресте (как его понимают в данном обществе) кого бы то ни было, не сомневаясь, решит, что это плохо. При этом конкретный человек мог раньше никогда специально не думать о «произвольных арестах», не сталкиваясь с такой информацией, но оценка, тем не менее, не будет вызывать у него сомнений. Если же под «запретом произвольного ареста» нет общественной конвенции, то практически это будет означать, что многие взрослые люди, узнав о произвольном аресте, испытают затруднения при формулировании своего мнения. В конечном счете, мнение, конечно, будет сформулировано, но не будет отличаться стабильностью и, главное, – в отношении к «произвольным арестам» общество разделится на несколько лагерей, обреченных на войну в астрале общественного мнения.

Власть очень чутка к общественным конвенциям (собственно в этом чутке и заключается мастерство власти), поэтому в России, например,

произвольных арестов очень мало (поскольку «запретительная общественная конвенция» явно существует, еще с советского времени, если не раньше), а «произвольного насилия» в отношении уже арестованных – очень много, поскольку у нас до сих пор принято считать, что «зря не посадят» (не арестуют): если арестовали – значит, преступник, если преступник – значит, плохой человек, если плохой человек – значит, с ним можно поступать не совсем по-человечески. Но и здесь есть свои конвенциональные ограничения: бить, в крайнем случае, можно, но изуверски мучить нельзя. Конвенция, однако.

Общественные конвенции в ценностной, моральной, поведенческой сфере не отпечатываются в людях в виде дефиниций, они присутствуют в нас как «направленная возможность», в виде своего рода «ценностных настроений», даже «ценностных логик». Обусловленные единой социальной средой, сопоставимым социальным опытом, эти общие для членов общества «ценностные настроения» позволяют один и тот же факт большинству взрослых людей оценивать одинаково, в одних и тех же условиях одинаково поступать, демонстрируя тем самым наличие общественной конвенции.

Применительно к рациональным истинам вроде «дважды два равняется четырем» или «существует сила земного притяжения» общественные конвенции опираются на авторитет важнейших социальных институтов: семья (до определенного возраста родители всегда правы), школа («в школьном учебнике ничего не может быть такого, чего нет на самом деле»). В меньшей степени источником авторитета, обеспечивающего формирование общественных конвенций по поводу истинности тех или иных знаний, может выступать публичная власть и всевозможные духовные лидеры и институты от церковных иерархов до поп-звезд.

Однако мы каждый день сталкиваемся с фактами или явлениями, которые различные люди оценивают по-разному (например, запрет смертной казни). Это означает, что общественная конвенция по поводу отношения к этому феномену еще не сложилась. Это означает, что в обществе еще идет война «конвенциональных проектов» и пока ни один из этих проектов не победил – не стал общепринятым, конвенциональным. Война «конвенциональных проектов» может длиться очень долго.

В США и в странах Европы «моральная война» за конвенцию по поводу смертной казни длится уже многие десятки лет. И, несмотря на то, что во многих странах Европы «политическая война» за отмену смертной казни уже закончилась – приняты соответствующие политические решения, «моральная война» в некоторых из них еще продолжается, общество все еще расколото по этому вопросу.

Очень многие истины, нормы существуют в обществе в неконвенциональном виде: значительная часть членов сообщества им следует, но не менее значительная часть им не следует («бог есть», «общество поделено на классы», «бить женщин нельзя»). Одни неконвенциональные нормы могут находиться в этом состоянии стабильно и бесконечно долго, для других это лишь временное состояние на пути к обретению

конвенциональности.

Главное! КОНВЕНЦИОНАЛЬНЫЕ и НЕКОНВЕНЦИОНАЛЬНЫЕ ценности, нормы и истины живут в обществе ПО РАЗНЫМ ПРАВИЛАМ, ПОДЧИНЯЮТСЯ РАЗНЫМ ЕСТЕСТВЕННЫМ ЗАКОНАМ. Это крайне важно понимать, например, правозащитникам.

Право человека, которое вы отстаиваете, является ли оно конвенциональным в вашем обществе или оно неконвенционально? Соблюдение его общепринято в вашем обществе или необщепринято? Если право человека, в котором вы заинтересованы, неконвенционально в вашем обществе, значит, его нужно ПРОДВИГАТЬ – это ОДНА ЗАДАЧА. Если же «ваше» право человека конвенционально, значит, ваша задача - отслеживать редкие случаи его нарушения и ПРИДАВАТЬ ГЛАСНОСТИ, а уж общество само справится с посягнувшими на конвенциональное право нарушителями – это уже совсем ДРУГАЯ ЗАДАЧА.

Если право, на котором вы настаиваете, неконвенционально в вашем обществе, значит, вы предлагаете обществу всего лишь ПРОЕКТ права и от вас зависит, примет его общество или не примет. Всеобщая декларация прав человека бессильна перед этим обстоятельством.

Конечный смысл любой общественной конвенции – содействие выживанию, воспроизводству сообщества. Совокупность общественных конвенций данного сообщества – это совокупность неформальных согласий членов сообщества о правилах и смыслах, оптимальных для выживания и воспроизводства сообщества.

Конкретные общественные конвенции зарождаются в инаковых инициативах. Инакомыслящие, инакоделающие, инакоживущие всех времен и народов постоянно предлагают обществу бесконечное множество инновационных идей и практик, которые в рамках рассуждений об общественных конвенциях можно назвать «конвенциональными проектами» («проектом для общественного согласия», «претензией на общепринятость»): новая идея, практика выпускается автором в жизнь и собирает или не собирает вокруг себя всех членов общества. Если «конвенциональный

проект» оказывается полезным для сообщества, повышает его вооруженность в борьбе за жизненное пространство, он, постепенно увеличивая число сторонников, приобретает конвенциональность, общепринятость. Таким образом, изначально «диссидентский проект» становится конвенцией, «общим местом». Естественно, большая часть «конвенциональных проектов» гибнет, оказавшись не пригодными для массового потребления. Какие-то «конвенциональные проекты» не умирают сразу, а находят себе нишу для замкнутого маргинального существования или обретают «конвенциональную жизнь» в каком-нибудь очень специализированном субкультурном сообществе.

Именно благодаря общественным конвенциям кем-то придуманные принципы, правила, смыслы, кем-то совершенные открытия однажды становятся обычаями, традициями, нормами, общепринятыми истинами.

Жизнь меняется. В конвенциональной нише возникают новые «конвенциональные проекты» – более современные, более перспективные. Те из них, что наиболее отвечают общественному спросу, постепенно отбирают сторонников у старых конвенций, лишают их конвенциональности и сами занимают их место в конвенциональной нише. Но в свое время приходит и их черед. Неизменна лишь сама конвенциональная ниша и ее смысл, ее роль в обществе. Впрочем, время от времени «отсыхают» и сами конвенциональные ниши.

Полноценный, полноправный член общества, «полный человек» или «гражданин», как издавна называют его в обществах европейской цивилизации (в последнее столетие слово «гражданин» окончательно оторвалось от естественных общественных конвенций и употребляется исключительно в формально-юридическом смысле). Такая «конвенциональная ниша» существует у каждого народа, нации, этноса на всех этапах его существования. То есть во все времена у всех народов существовали общественные конвенции о том, кого считать полноценным, полноправным членом общества.

В новое и новейшее время в Западной Европе, а затем в Североатлантическом мире эту «конвенциональную нишу» по очереди занимали следующие общественные конвенции (упрощенно):

- 1. «Полноправный человек» – это любой белый свободный (не раб, не крепостной) мужчина, христианин, обладающий недвижимым имуществом, родившийся в этой стране.*
- 2. «Полноправный человек» – это любой белый мужчина, имеющий стабильный доход, родившийся в этой стране.*
- 3. «Полноправный человек» – это любой белый человек (как мужчина, так и женщина), имеющий стабильный доход, родившийся в этой стране или живущий в ней*

достаточно долгое время.

На соответствующих этапах развития каждая из этих общественных конвенций объединяла всех членов общества (жителей страны). Эти конвенции отражались в соответствующих нормах права. Свое согласие, присоединение к этим общественным конвенциям демонстрировали даже крепостные и рабы, женщины и цветные в те периоды, когда ни те, ни другие, ни третьи не признавались полноправными членами общества.² В определенный период существования каждой общественной конвенции о «полном человеке» в обществе появлялись диссиденты, которые выдвигали инаковые «конвенциональные проекты» о «полном человеке»: о полноправии «третьего сословия», о политическом равенстве женщин, о равноправии белых и цветных и т.д. Те из диссидентских «конвенциональных проектов», которые были прочно вплетены в базовые тенденции социально-экономического и культурного развития, приобретали все новых сторонников и, в конечном счете, вытесняли старые конвенции и сами занимали конвенциональную нишу «полного человека».

Примерно такие же общественные конвенции сменяли друг друга в российской истории конвенциональной ниши «полного человека», с несколько иной разбивкой в историческом времени и со всевозможной национальной спецификой.

В обществах доколумбовой Америки эта конвенциональная ниша была занята несколько иными общественными конвенциями, в иной динамике, но так или иначе эти общественные конвенции, как и в североатлантическом мире, ограничивали «полного человека» имущественными, гендерными, религиозными и этническими рамками.

Общественные конвенции, будучи неписаными неформализованными общественными представлениями о важном, могут и «стремятся» отражаться, «находить подтверждение» в писаных, формализованных ценностях, нормах и истинах. Формализация (объективация) общественной конвенции представляется людьми как дополнительная гарантия ее соблюдения.

Общественные конвенции по поводу ценностей и норм объясняются (объективируются) в эпосах, религиях, идеологиях. Ценности,

² Как известно, в эпохи расцвета рабства рабы не выступали против рабства как такового, а только против собственного рабства. Восставшие рабы воспроизводили рабские практики, так как были детьми своего времени и присоединялись к существующей общественной конвенции о рабстве. То же самое можно сказать о женщинах в патриархальных обществах, о зависимых и полузависимых крестьянах в феодальных обществах, об инородцах в национальных государствах. И сегодня мигранты, неграждане не оспаривают статус негражданина как таковой, а лишь пытаются получить статус гражданина, поскольку считается нормальным, естественным, что правовой статус постоянного жителя страны, родившегося в ней или давно проживающего, должен существенно отличаться от статуса недавнего пришельца.

зафиксированные в общественных конвенциях, отражаются в религиозных и идеологических догмах, конвенционально закрепленные неформальные нормы отражаются в нормах писаного права.

Первоначальный, естественный смысл общественных конвенций не просто отражается в тех или иных формализованных постулатах, он **отчуждается** в них. Сущность общественных конвенций опредмечивается в правовых и идеологических постулатах и отделяется в них от сообщества. Постулаты начинают жить своей самостоятельной жизнью, не зависимой от людей, породивших базовые для постулатов общественные конвенции. Отчужденные в правовых, идеологических и образовательных «скрижалях» смыслы общественных конвенций утрачивают свое первоначальное, естественное содержание. Более того, законы, религиозные и идеологические догмы, опредметившие в себе естественные конвенциональные ценности и нормы, постепенно могут стать реально чуждыми и даже враждебными по отношению к породившим их человеческим сообществам.

С другой стороны, отчуждение естественных конвенциональных ценностей и норм от порожденных ими идеологием и правовых норм является и двигателем общественного развития, так как возникающий конфликт требует разрешения.

Если норма или истина конвенциональна – она работает: норма, как правило, соблюдается; истина, как правило, ни у кого не вызывает сомнения, на нее опираются все члены сообщества, принимая соответствующие решения.

Формальная норма, например закон, **повсеместно и ежедневно** соблюдается лишь тогда, когда поддерживается соответствующей неформальной конвенцией. Насилие и принуждение не могут заменить конвенциональность, по крайней мере, в течение исторически значимого времени. Либо принудительно внедряемая норма «обтачивается» действительностью и становится конвенциональной, а это возможно только в случае ее конечной полезности для сообщества. Либо рано или поздно умирает.

Неформальная общественная конвенция может существовать и без формального закрепления и усиления (например, представление о том, что лгать близким нельзя). Однако, если общественная конвенция перешагивает за рамки частной жизни и регулирует какие-то общественные отношения или формулирует социальные ценности, она, как правило, с необходимостью порождает формализованные отражения в виде норм права или каких-то духовных предписаний. Свою частную жизнь человек более или менее контролирует (даже может «применить санкции» за неисполнение конвенций), общественные же отношения ему менее подконтрольны, поэтому человек нуждается в дополнительных, объективированных гарантиях исполнения общественных конвенций.

* * *

Способ существования общественных конвенций – всеобщность, общепринятость, универсальность применительно к сообществу.

Антропологический смысл существования общественных конвенций – выживание, сохранение, самовоспроизводство сообщества.

Психологический механизм закрепления, поддержания общественных конвенций – психологическая маркировка «свой – чужой».

Источник психической энергии, питающий общественные конвенции – стыд и страх.

Общественные конвенции – это человеческие СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВНЫЕ РЕФЛЕКСЫ. Условные рефлексы «общественного животного», выработанные в условиях социального (группового, коллективного) существования. Одинаковость, общность этих условных рефлексов позволяет членам сообщества отличать друг друга от членов иных человеческих сообществ. **Различие общественных конвенций** в различных «популяциях» вида Homo sapiens создает социальное разнообразие вида. **Общность конвенциональных ниш** отражает биосоциальное единство вида.

СИЛА И СЛАБОСТЬ МОРАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Мало сказать, что права человека – это моральные права, моральные нормы. Надо принять, что права человека действуют, прежде всего, как моральные нормы.

Общественная конвенция, всеобщее согласие, общепринятость лежит и в основе любых моральных норм. Моральные нормы не существуют, не действуют без всеобщего согласия по их поводу. Сила морального принуждения в общепринятости, в стыде и страхе «быть не как все», «быть чужим для своих».

Для всех ныне живущих народов заповедь «не укради» является живой моральной нормой (конвенциональная ниша, предназначенная для морального осуждения тех, кто по произволу присваивает чужое – является общечеловеческой). Люди не перестали красть, но вор, совершающий кражу, знает, что делает плохо³ (то есть даже он присоединяется к общественной конвенции «не укради»), знает, что в случае поимки он будет подвергнут не только государственному суду и наказанию⁴, но и столкнется со всеобщим искренним осуждением⁵, то есть будет исключен из «своих», станет «чужим» для большинства. Противопоставление себя обществу не каждому по силам. Тем самым общественная конвенция по поводу «не укради» если и не устраняет зло, мешающее полноценному существованию сообщества (вор всегда можно обрести «экзистенциальный покой» в воровской субкультуре), то существенно сокращает круг людей, им соблазняемых, вводит зло в допустимые, не гибельные для сообщества, рамки.

Но моральные нормы и поддерживающие их общественные конвенции конкретно историчны. Каждый народ, каждая эпоха вносят свое содержание в, казалось бы, незыблемые заповеди (универсальные конвенциональные ниши).

Советские люди, как и все остальное человечество, осуждали воровство. Кража считалась недопустимым для нормального человека поступком. Но при этом не каждая «юридическая кража» (преступное деяние, определенное законом) «в народе» считалась кражей. «Народное общественное мнение» не распространяло понятие «вор» на людей, кравших имущество предприятий, на которых они работали, для собственных

³ Не всякий закон нарушая, преступник понимает, что делает плохо (совершает зло, пусть и выгодное), а только тот закон, который опирается на реальную общественную конвенцию (моральную норму).

⁴ Суда и наказания он боится. Закон апеллирует к страху.

⁵ Моральное осуждение апеллирует к стыду.

семейных, бытовых нужд. Именно поэтому «среднестатистический советский человек», всячески скрывая факт «выноса» от начальства, как правило, не скрывал его от родственников, друзей, даже коллег. Во многих, вполне уважаемых, с советской точки зрения, локальных сообществах умение «разжиться» за счет собственного предприятия считалось своего рода доблестью, умением жить. Даже представители власти, осуждая это явление, называя его, употребляли эвфемизм «несуны», тем самым соглашаясь (присоединяясь к конвенции), что эти люди не совсем воры, а то, что они делают, не совсем кража. Другое дело – кража с собственного предприятия «в целях обогащения»: не «для дома, для семьи», а для «бизнеса», для перепродажи, для подпольного производства. Здесь «народное» и «властное» общественное мнение объединялось в единой конвенции. Таких воров все советские люди считали ворами и подвергали всеобщему осуждению.

Как известно, моральные нормы двойственны: абсолютны и относительно одновременно. Моральные нормы конкретно историчны, социальны и национальны в своей форме, базируясь на актуальных общественных конвенциях (общественная конвенция всегда актуальна, согласие не вырабатывается по не важным для сообщества поводам), но неизблемы в своей сути – в миссии регулирования определенных отношений (занимая определенную конвенциональную нишу). Условно говоря, в каждом человеческом сообществе будут какие-то моральные нормативные комплексы (конвенциональные ниши) по поводу «не укради», «не обманывай», «не увечь без надобности», «восполни нанесенный ущерб» и т.д., но субъекты, объекты, «объемы» и число этих норм могут различаться в разные эпохи, в разных цивилизациях, в разных сообществах. «Обманывать, конечно, нельзя», но кого «нельзя», кому «нельзя», когда и как «нельзя» – в разных сообществах могут решать по-разному. Хотя есть моральные нормы, которые даже в нюансах почти абсолютно универсальны для всех народов во все эпохи.

*В России, например, как и во многих других странах, общепринято, что обманывать чиновника можно, это не грех. Что, видимо, косвенно подтверждает отчуждение человека от государства и наличие, возможно универсальной, общественной конвенции о презумпции угрозы, опасности человеку со стороны государства. А, может быть, чиновника просто не воспринимают как личность, а лишь как частичку безличного государства, потому и **не** распространяют на него моральные нормы, которые регулируют именно межличностные, человеческие отношения.*

Механизм действия моральных норм основан на механизме действия общественных конвенций. Человек, публично не соблюдающий моральные нормы, как бы вычеркивается из списка членов сообщества. К нему применяется тысячами отработанные технологии «общественного отлучения» от «своих» и вытеснения к «чужим». «Общественное отлучение» –

это когда не подают руки, не приглашают в компании, не доверяют секреты сообщества и т.п. Но главное, в отношении отступника допускается нарушать общественные моральные конвенции: его можно обманывать, публично осуждать, ему могут несправедливо нанести ущерб, заранее рассчитывая на безразличие или сочувствие сообщества. Одним словом, в любой ситуации более низкий статус «нарушителя», его «недочеловечность», всегда и всеми будет подчеркиваться. Жизнь для него станет тяжелой.

Моральные общественные конвенции, как и любые другие, иерархичны. Иерархичность никем не устанавливается, не формулируется, но проявляется в типе и силе общественной реакции на нарушение конвенций. За одни нарушения сообщество лишь одновременно пропустит отступника через ритуалы осуждения (временно отеснит его на периферию сообщества: временная «внутренняя ссылка», временное «ограничение в правах»), а за другие целенаправленно займется вытеснением из круга «своих»: члены сообщества не успокоятся, пока отступник не станет изгоем (эмигрирует, перейдет на другую работу, переедет в другую деревню, в другой дом, перестанет ходить к вам в гости и приглашать к себе, сядет в тюрьму, примирится с ролью «мальчика на побегушках» в вашей компании и т.д.).

В товариществах собственников жилья (ТСЖ) одними из первых формируются две общественные конвенции: «все члены ТСЖ должны соблюдать чистоту на общей территории» и «все члены ТСЖ должны платить за квартиру, участвовать в содержании дома». Конвенции относительно новые для большинства российских жилищных сообществ, формируются они жестко, конфликтно, но быстро. При этом, если за нарушение «санитарно-бытовой конвенции» члены ТСЖ ограничатся «нездорованием», публичными замечаниями на собраниях и пренебрежением мнения отступника по другим вопросам, то в случае упорного нарушения «финансовой конвенции» с отступником будут судиться, будут пытаться исключить его из ТСЖ, будут пугать его с помощью знакомых бандитов и т.д. Иерархия конвенций налицо. Хотя на собраниях ТСЖ никто эту иерархию не устанавливал.

Эта иерархичность моральных норм находит свое, пусть очень искаженное, но отражение в нормах уголовного и административного права: за убийство одно наказание, за изнасилование другое, за кражу третье, за прелюбодеяние – никакого и т.д.

Все эти замечания более чем очевидны, но они важны в контексте предстоящих рассуждений о правах человека.

Любая общественная моральная конвенция относительна и действует в строго заданных конвенцией обстоятельствах: убивать людей нельзя, но преступников можно, обманывать людей нельзя, но плохих можно. Живых общественных моральных конвенций тысячи.

Если вам кажется, что человек совершил моральный проступок

(нарушил общественную конвенцию), а члены сообщества не реагируют на проступок должным образом, значит, это не проступок, значит, никто никакой конвенции не нарушал. Значит, в сообществе такой моральной нормы нет – она есть только в вашей голове.

Казалось бы, в России быть «зайцем» – бесплатно ездить в общественном транспорте – это плохо. Но, судя по тому, как реагируют на «зайцев» пассажиры (никак), как, не стесняясь, люди массово становятся «зайцами», на виду у всех перепрыгивая турникеты в метро и в автобусах (Москва), и главное, как, не стесняясь, рассказывают родственникам и знакомым о своем «заячьем» опыте, – можно сделать вывод, что во многих городских сообществах «конвенция о зайцах» либо умерла, либо при смерти, либо изначально, с советских времен, была мифом, навязанным государственной пропагандой. Вместе с тем, внутри каждого городского мега-сообщества существуют различные профессиональные, социальные, субкультурные сообщества, в которых «антизаячьи конвенции», как правило, в пакете с другими конвенциями «приличного человека», вполне укоренены и прочны. Но в своем отношении к «зайцам» члены этих сообществ явные диссиденты, меньшинства применительно ко всему массиву горожан.

Если в сообществе такой нормы не существует, но у вас есть в ней личная потребность, то у вас есть возможность и право сделать свои «представления о должном» общественной конвенцией вашего сообщества. Дерзайте. Любые общественные конвенции начинались с заявлений инакомыслящих. Но если ваша «нормативная инновация» даже в тенденции не дает сообществу преимуществ, с точки зрения выживания, стабильности, безопасности, ваше «представление о должном» в обозримом будущем не закрепится в общественной конвенции. Но и здесь остается шанс – кто знает, что будет полезно вашему сообществу в отдаленном будущем, или, может быть, ваша «нормативная инновация» будет подхвачена другим сообществом.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ КОНВЕНЦИИ В ЗАЩИТУ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА

Права человека - это моральные права, призванные защищать человеческое достоинство личности во взаимоотношениях человека с представителями и институтами власти. Права человека призваны защищать человеческое достоинство личности от произвола власти. Права человека побуждают власть ответственно относиться к человеческому достоинству членов сообщества. Права человека являются совокупным общественным благом. Права человека основываются на гуманитарных ценностях и проявляются в обществе как конкретные моральные нормы. Как и любые моральные нормы права человека могут отражаться-опредмечиваться в правовых нормах. Права человека как моральные права - индивидуальны, они не имеют социального, группового измерения. Коллективных прав человека, как и коллективной морали – не бывает.

Права человека это моральные нормы. Права человека как любые другие моральные нормы основываются на общественных конвенциях, но права человека - особые моральные нормы. Права человека закладывают моральные возможности для защиты человеческого в человеке («человеческого достоинства личности») от унижающего, обезчеловечивающего воздействия социальной среды. «Естественные права человека», апеллируя к власти и сообществу, создают для члена сообщества моральные возможности «жить по-человечески» в рамках конкретно-исторических представлений о человеке и достойной человека жизни.

Если нормы традиционной морали призваны защищать человека от произвола другого **такого же** человека («не убей», «не прелюбодействуй», «не укради» и др.), то права человека защищают человека от произвола **особенного человека** – «человека власти» («не пытай», «не лишай слова», «не лишай свободы» и др.). Права человека – это «второе издание десяти заповедей» для отношений, основанных на «господстве-подчинении». Поэтому на права человека всегда ложится тень некоторой политичности, но это всего лишь тень и тень не от прав человека.

Если нормы традиционной морали защищают «равного» от «равного» – человека от человека, то права человека защищают изначально «слабого» – «простого человека» от изначально «сильного» – «человека власти». Права человека как бы посягают на объективное неравенство людей (лидеры – нелидеры, управляющие – управляемые, эксплуататоры – эксплуатируемые и т.п.) и пытаются посредством специфического морального инструментария уравнивать «слабого» человека и «сильную» власть. Но, во-первых, уравнивание это происходит исключительно в сфере морали, а, во-вторых, в очень узком, но в самом критичном (и с точки зрения личного выживания, и с точки

зрения выживания сообщества) секторе отношений человека и власти – в секторе произвола. Произвола как ЗЛОупотребления властью.

Права человека предстают уникальной зоной морального равенства в объективно неравных отношениях «простого человека» и «человека власти». При этом права человека не посягают на фундаментальные – экономические и социальные – основы общества (в этом их принципиальное отличие от пафосно близких им левых политических доктрин). Права человека лишь морально подправляют **крайние, экстремальные** для общества проявления фундаментального социально-экономического неравенства – социальный, экономический и политический произвол.

Направленные на предотвращение произвола власти, права человека опираются на моральную аксиому: власть всегда представляет опасность для человека, обладает «презумпцией угрозы». Права человека как бы изначально предвзяты, они всегда на стороне «слабого». Их миссия – морально ограничивать «сильную власть» в пользу «слабого человека».

Права человека – это гуманитарные обычаи, живущие в каждом обществе.

Поскольку права человека функционируют как моральные нормы – они опираются на общественные конвенции, на всеобщее согласие по их поводу. Права человека – это общественные конвенции в защиту человеческого достоинства. Это означает, помимо прочего, что и представители власти должны признавать права человека. Права человека и для них должны быть субъективно реальной ценностью. Носители власти должны признавать презумпцию собственной угрозы «простому человеку» и принимать меры к самоограничению в произволе. Это создает понятные трудности в формировании общественных конвенций по поводу прав человека. Но трудности эти, так или иначе, всегда преодолеваются в человеческих сообществах благодаря внедрению одной и той же для всех сообществ идеи-ценности.

Задача присоединения к правозащитным конвенциям представителей власти у всех племен и народов решается через идею РАВЕНСТВА. Во всех культурах, цивилизациях, сообществах, живущих, а нередко и процветающих в социально-экономическом неравенстве, существуют представления, обосновывающие моральное равенство «простого человека» и «человека власти». В любом уголке планеты, когда «маленький человек», столкнувшись с произволом «большого человека», пытается остановить произвол, переубедить произвольщика, он прибегает к одному и тому же аргументу: «мы с тобой одной крови – ты и я!» (мы одной веры, мы одной нации, мы граждане, мы коммунисты, у нас общий предок росомаха и т.д. и т.п.). По сути, это равенство в ключевой идентичности, в том, что определяет в данных обстоятельствах данное сообщество как «мы». Вопль «правосла-а-а-вные-е-е!!!», призыв «да будь же ты человеком!», увещание «мы же русские люди!» – все отсюда. **В правах человека существует скрытый призыв к власти о солидарности с «простым**

ЧЕЛОВЕКОМ».

Источником этого «равенства в достоинстве» всегда выступает нечто сверхценное, великое, трансцендентное – бог, мифические и великие общие предки, великая нация с великой историей, великая идеология, великий вождь (в рамках послевоенного «западного проекта прав человека» в качестве «трансцендентного источника» прав человека миру была предложена ООН). Только такие «авторитеты» могут быть основанием морального единства и равенства изначально неравных: «простого человека» и «человека власти». Предполагается, что величие бога, «матери природы», героических предков отражается в каждом их подопечном. Трансцендентное начало, какую бы форму оно ни принимало, во всех религиях, преданиях, катехизисах **делится собою со своими приверженцами**, то есть наделяет их частицей себя. У европейских народов эта частица называется ДОСТОИНСТВОМ (достоинство гражданина Рима, христианина, белого человека, британца и т.д.) и, по-видимому, имеет аналоги в других языках. Достоинство принадлежит всем чадам, последователям, приверженцам, гражданам, людям – всем членам сообщества.

Поэтому права человека опираются на моральное равенство – равенство в достоинстве (в рамках западной парадигмы «прав человека» – это равенство в «человеческом достоинстве»). Именно такое равенство делает возможными общественные конвенции по поводу «прав человека» (общественные конвенции в защиту человеческого достоинства). Только такое равенство принимают люди власти.

Но есть одно «но». Представления о «равенстве в достоинстве», в правах непосредственно связаны с идентичностью. Иначе говоря, равны в достоинстве только те люди, которые подпадают под ключевую идентичность, кто входит в «мы», в «свои» - полноценные, полноправные члены сообщества (все полноправные жители страны, все граждане, все мусульмане и т.д.). В реальных человеческих отношениях «чужие» никогда не равны «своим», ни в достоинстве, ни в правах.

МНОГОЛИКОСТЬ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Права человека существуют в нескольких, тесно связанных и перетекающих друг в друга, ипостасях, уровнях.

- Ценностный уровень. Это ценностная основа прав человека: общепринятые идеальные представления о желаемом во взаимоотношениях человека и власти.
- Нормативный уровень. Общепринятые представления о желаемом с необходимостью становятся общепринятыми представлениями о должном, т.е. нормами. «Правочеловечные» ценности опускаются в практику человеческих отношений и перерабатываются этими отношениями в моральные нормы, которые, в свою очередь, могут перерабатываться в правовые нормы.
- Идеологический уровень. Моральные и правовые «правочеловечные» нормы всегда интерпретируются в тех или иных интересах и предстают как элементы идеологических проектов и политических доктрин.

Собственно ПРАВА ЧЕЛОВЕКА – это дуалистический **нормативный феномен**, совокупность моральных и правовых норм (моральных прав и юридических прав), где моральная составляющая является первичной, базовой по отношению к правовой, юридической составляющей. В этом смысле права человека, прежде всего, **моральный феномен**.

Права человека как нормативный феномен базируются на массиве специфических социальных ценностей. В основании этого массива расположена метаченность - ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО. Безусловно, «человеческое достоинство» - это всего лишь понятие, попытка назвать нечто глубоко архетипичное и всплывающее на поверхность человеческого сознания лишь в виде туманного «ценностного настроения», хотя эмоционально и ярко окрашенного. «Человеческое достоинство» - понятие, ускользающее в определениях, но очень ясное в ощущениях. Человеческое достоинство - это нечто, что позволяет человеку чувствовать себя Человеком⁶.

⁶ Инструментально, в практике человеческих отношений большинство людей употребляют слово «человек» не в «биологическом смысле» (человек как совокупность особенных физических черт, отличающих его от других живых существ), а в «социальном смысле». «Человек» в «социальном смысле» - это всегда «нормальный человек», обычный, средний - полноценный и полноправный член общества. Представления о «социальном человеке», естественно, не универсальны. Не универсальны и в том смысле, что в различных обществах разные представления о «полноценном и полноправном члене общества», и в том смысле, что, как правило, не все представители вида *Homo sapiens* подпадают под общепринятые в данном обществе представления о «полноценном и полноправном члене общества». Универсальный для всего вида *Homo sapiens* «антропологический смысл» слово «человек» приобретает лишь в некоторых профессиональных языках (философском, медицинском, психологическом и т.п.). Универсальный смысл слову «человек» навязывается и в некоторых спекулятивных идеологических дискурсах (прежде всего, в либеральном), в целях придания идеологемам весомости, общечеловеческой значимости. В данном тексте слово «человек», «люди» употребляется во всех трех смыслах: «социальном», «антропологическом» и «спекулятивном» - как правило, это оговаривается.

С одной стороны, человеческое достоинство - это набор некоторых **представлений**. Говоря о «человеческом достоинстве», мы манифестируем свои представления о ЖИЗНИ, ДОСТОЙНОЙ ЧЕЛОВЕКА, о «ЖИЗНИ ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ». Безусловно, в каждом человеческом сообществе, в каждый конкретный момент времени ценностные общественные конвенции о «жизни по-человечески» одновременно имеют и некоторое «общечеловеческое ядро» и яркую этнокультурную и конкретно-историческую окраску.

С другой стороны, человеческое достоинство - это и «чувство человеческого достоинства», помогающее человеку распознавать унижения и дающее энергетику для протеста. В этом смысле человеческое достоинство предстает как страж человеческой идентичности, оно задает вектор формирования человеческой личности и создает эмоциональные рамки, удерживающие и защищающие человеческое в человеке («человеческое» в общепринятых представлениях данного конкретного общества).

При этом «ценностное настроение» человеческого достоинства редко актуализируется в позитивной форме. Фактом человеческого сознания, прежде всего, становится негатив: сознание фиксирует посягательство на человеческое достоинство, его унижение. Человеческое достоинство становится актуальным лишь тогда, когда сознание регистрирует «жизнь не по-человечески», не достойную человека. Посягательство на человеческое достоинство переживается и формулируется людьми как **«унижение»**.

Далее, при разворачивании «жизни не по-человечески» в сторону причин, возникает ВЛАСТЬ и ПРОИЗВОЛ и следующий ценностный слой, ядром которого является главное «правочеловечное» зло – ПРОИЗВОЛ ВЛАСТИ, произвол как ЗЛОупотребление властью.

«Ценностный ответ» на вопрос «Что спасает человека от произвола власти?» формирует третий слой в массиве «правочеловечных» ценностей (самый верхний, самый близкий к поверхности жизни). В центре третьего ценностного слоя расположены главные «правочеловечные» блага: РАВЕНСТВО, СВОБОДА⁷ И ЗАКОН, но это равенство, свобода и закон, реализуемые в особых условиях иерархических социальных отношений. Ценностный смысл этих благ – указать выход из ситуации унижения властью человеческого достоинства.

РАВЕНСТВО как РАВЕНСТВО В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ДОСТОИНСТВЕ.

СВОБОДА как СВОБОДА ВЫБОРА в признаваемых обществом рамках социального и экономического неравенства. Эти рамки изменчивы,

⁷ Специфика либерального идеологического проекта в отношении прав человека заключается в том, что Свобода поднимается либералами из ниши «обеспечивающего блага» и «присоединяется напрямую» к Человеческому достоинству, образуя специфически либеральный базовый ценностный континуум для прав человека - «человеческое достоинство в свободе». Неслучайно в европейской парадигме прав человека так называемые «основные права человека» называются «свободами». «Свобода», в данном случае, **одна из возможных** идеологических упаковок прав человека. Каждое из «основных прав человека», без ущерба для смысла, может быть изложено через «равенство», «справедливость», даже через «безопасность» или вообще права человека могут формулироваться без ценностных маркировок, а лишь с использованием «технического термина» «право» (право как возможность). Всё зависит от взгляда, от избранной парадигмы.

но всегда реальны и адекватно воспринимаемы всеми, кто в них оказывается.

ЗАКОН как ОСВЯЩЕННАЯ И ГАРАНТИРОВАННАЯ АВТОРИТЕТОМ НОРМА, признающая «равенство людей в человеческом достоинстве» и «свободу выбора в заданных социальных условиях».

СПРАВЕДЛИВОСТЬ возникает в парадигме прав человека как **оценка** жизни человека с точки зрения человеческого достоинства – «по-человечески ли живет человек», соответствует ли его жизнь представлениям о «достойной человека жизни». Если, вслед за Джоном Ролзом, Справедливость – это Честность, то несправедливость, нечестность в данном случае – это искажение, извращение сути «естественного человеческого общежития», в котором все люди естественно равны в достоинстве, в естественном праве «жить по-человечески». Унижение человеческого достоинства несправедливо потому, что нечестно нарушать естественный порядок вещей. Несправедливо, нечестно поступает тот, кто допускает произвол, кто унижает человеческое достоинство.

«Правочеловечные» ценности, естественно, жаждут воплощения и находят его в моральных и правовых нормах. Моральные нормы соблюдаются добровольно, соблюдение обеспечивается стыдом. Правовые нормы соблюдаются под принуждением (угрозой наказания), соблюдение обеспечивается страхом.

Права человека, как моральный феномен, представляют собой совокупность многочисленных и разнообразных общественных конвенций в защиту человеческого достоинства, которые на моральном уровне регулируют отношения между человеком и властью во всем их многообразии. Право, идеология и политика выступают как способы социального отражения и интерпретации прав человека как моральных норм.

Говоря о соотношении естественных прав человека и форм их социального отражения, очень удобно опираться на взгляды раннего Маркса и философов Франкфуртской школы, уделявших большое внимание феномену отчуждения. В праве, идеологии и политике права человека отчуждают свою естественную (моральную, конвенциональную) сущность. Опредемяваясь в этих областях человеческой деятельности права человека умирают как моральные нормы, лишаются естественной жизни общественных конвенций. Но свято место пусто не бывает. Формируются новые общественные конвенции в защиту человеческого достоинства, новые «правочеловечные» моральные нормы.

Отчуждение не может быть не снято и вновь порождено. Несоответствие между динамичными живыми общественными конвенциями в защиту человеческого достоинства и призванными их отражать правовыми, религиозными, идеологическими и политическими институтами не может нарастать до бесконечности (ноумен всегда стремится совпасть с феноменом). Нарастающее отчуждение

институционального отражения от конвенционального предмета становится нетерпимым для людей... и отчуждение снимается в краткий исторический миг реформ, революций, реформаций, всякой «смены парадигм». Но уже на следующее историческое утро новые «революционные» нормы и идеологемы, подчиняясь своим собственным законам, начинают, поначалу еле заметно, отчуждаться от породивших их общественных конвенций. Все начинается с начала. Хотя какое-то время сосуществование «правочеловечных» общественных конвенций и отражающих их институций может быть вполне сносным.

Революции (в широком смысле слова) это не только «социальные переломы», но и всегда «моральные переломы» во взаимоотношениях человека и власти.

Естественные права человека и их формализованные отражения живут по разным законам.

Всеобщая декларация прав человека и опирающиеся на нее многочисленные международные правозащитные конвенции живут по законам и обычаям международной политики, подчиняются международному праву и господствующим в международном сообществе идеологиям, отражают расстановку сил на глобальной политической арене. Естественные же права человека, которые призвана отражать Всеобщая декларация, живут по естественным законам человеческой психики, массовых общественных коммуникаций, в хаотичном быту человеческих инстинктов, архетипов, ценностей, установок, так как, по сути своей, естественные права человека являются моральными общественными конвенциями в защиту человеческого достоинства (общепринятыми представлениями членов человеческих сообществ о достойной человека жизни, о недопустимости тех или иных проявлений властного произвола).

Живя по разным «законам», Всеобщая декларация прав человека и естественные права человека так же отличаются друг от друга, как уголовный кодекс отличается от господствующих в обществе обыденных представлений о преступлении и соразмерном наказании. Более того, чтобы аналогия меньше хромала, нужно представить себе уголовный кодекс, общий для всего человечества, единый для всех стран, этносов и цивилизаций. Обосновывая такой невероятный «уголовный кодекс», так же, как и в случае с Всеобщей декларацией, можно сослаться на «общечеловеческие ценности»: ведь в определенном смысле представления о добре и зле, о преступлении и наказании у всех народов более или менее одинаковое. Но, но и но...

Умение отличать «правочеловечные ценности» от «правочеловечных норм» (т.е. от собственно «прав человека») очень важно с сугубо практической точки зрения.

Многое из того, что принято называть «правами человека», в строгом смысле слова правами, т.е. нормами, не является. «Свобода слова», «право на жизнь», «свобода передвижения», «право на личную неприкосновенность», «свобода собраний» и др. - все это скорее ценности, чем права.

*«Свобода слова (информации)» - это желаемое **ценное для человека** состояние общественных отношений по поводу распространения информации и идей. «Свобода слова» - это ценность, в этом словосочетании выражено отношение к проблеме, а не способ ее решения. «Свобода слова» - это **сущность** конкретных норм, но не сама норма. Сам по себе термин «свобода слова» слишком многозначен и абстрактен, чтобы стать формулировкой права (нормы). С помощью термина «свобода слова» невозможно регулировать реальные отношения между людьми по поводу распространения информации. Именно поэтому в правоформулирующих текстах «свобода слова» («свобода мнений», «свобода информации»), как правило, сопровождается уточняющими формулировками вроде «каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом». Таких уточнений, в зависимости от воли того или иного «законодателя», может быть до десятка. Эти уточнения и есть права человека, в данном случае в их юридической ипостаси.*

*То же самое происходит и на уровне моральных норм - естественных прав человека. Во всех человеческих сообществах существуют **ценностные общественные конвенции** в отношении того, что в «вестернизированном» мире называется «свободой слова»⁸ (подавляющее большинство жителей страны считают, что «свобода слова» - это хорошо).*

⁸ В «традиционных обществах» Старого и Нового света, естественно, не пользуются формулировкой «свобода слова». Но было бы естественным предположить, что в каждом из этих обществ существуют **общественные ценностные конвенции**, имеющие ту же сущность, что и «свобода слова» («человек имеет право знать все, что касается его интересов» и «человек имеет право сообщить власти и обществу о своих интересах»). Соответственно, «в обеспечение» этой **ценностной общественной конвенции** и в этих обществах формируется «пакет» **нормативных общественных конвенций** - моральных норм (моральных прав). Конечно, этот «пакет» естественных прав человека по поводу «свободы слова» в каждом обществе будет иметь свою специфику (китайское естественное право на дацзыбао, или столь же естественное право вывешивать листовки на форуме в Древнем Риме; разнообразные естественные информационные права в рамках древних и современных «общинных демократий», естественная «свобода проповеди» (свобода темы проповеди) во многих обществах и религиях и т.д. и т.п.). Просто интересная тема для исследования: во многих культурах свобода информации в значительной своей части выводилась в сферу духовного, религиозного общения; священник как СМИ и как информационный посредник, естественный конвенциональный медиатор между властью и народом, обеспечивающий вертикальный информационный обмен.

*Соответственно существуют и разнообразные **нормативные общественные конвенции** (моральные нормы), в которых реализуется эта ценность.*

Это пустяковое замечание важно в том смысле, что отношение к ценности и отношение к тем или иным правам может отличаться.

«Правочеловечная» ценность обеспечивается многими и многими правами. Если ценность может быть универсальной (а может и не быть), то набор обеспечивающих ценность норм (прав) всегда конкретно историчен, социален и национален.

Политики осознанно пренебрегают этими различиями.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ОБЩЕСТВЕННЫХ КОНВЕНЦИЙ В ЗАЩИТУ ИНАКОМЫСЛЯЩИХ, ИНАКОДЕЛАЮЩИХ, ИНАКОЖИВУЩИХ

Во многих человеческих сообществах существуют общественные конвенции в защиту инакомыслящих. Иначе говоря, существуют более или менее прочные традиции терпимости⁹ к ненормативному поведению, к нетрадиционным ценностным ориентациям и т.д. (веротерпимость; отношение к душевнобольным как к «блаженным»; снисходительно-поощрительное отношение многих народов к «людям не от мира сего», к изобретательствующим «чудикам»; запрет обижать шутов и юродивых; продвинутое общественные конвенции и практики толерантности в современных западных обществах; в какой-то мере это и законы гостеприимства и т.п.). Безусловно, эти общественные конвенции ограничены и сосуществуют с повседневной нетерпимостью к инаковым, со всевозможными ксенофобскими общественными конвенциями. Например, политкорректность, постепенно приобретающая в западных обществах статус обычая, предстает феноменом сугубо **публичной** жизни. В частной жизни, в интимном быту семейных и дружеских отношений политкорректность массового западного человека уступает место обычным социальным фобиям по национальным, «сословным», культурным и прочим основаниям.

Тем не менее, инакомыслящие, инакоделающие, инакоживущие, **ИНАКОВЫЕ**¹⁰ – единственный для человечества источник развития, единственный инструмент приспособления к изменяющейся действительности, база естественного социального отбора.

Так вышло, что у вида *Homo sapiens* биологический естественный отбор постепенно замещается (или уже замещен) социальным естественным отбором. Если у всех остальных видов живых существ базой естественного отбора (приспособления к изменяющимся условиям внешней среды) являются случайные генетические мутации, то у вида *Homo sapiens* базой естественного отбора являются случайные «социальные мутации». «Социальные мутации» – это и есть те «внесистемные» социальные, духовные и технологические инновации, которые производят инакомыслящие,

⁹ И «инакомыслящие», и «терпимость» в данном случае понимаются в широком смысле этих понятий. Т.е. инакомыслящие – это не только политически инакомыслящие, но и инакомыслящие от науки, культуры и технологии, инакомыслящие в быту, отвергающие существующие традиции и обычаи. Соответственно, терпимость – это не только веротерпимость, но и терпимость к представителям иных рас и национальностей, иных культурных традиций, иных субкультур, терпимость к инвалидам, к асоциальным людям и т.д. То же и с ксенофобией, которая все больше в массовом употреблении ограничивается национальной и религиозной нетерпимостью, хотя в действительности люди страдают ксенофобией (подсознательным, «животным» страхом-ненавистью к чужим) и по социальным, и по культурным, и по политическим признакам (ненависть бедных к богатым, страх-ненависть обывателей к бездомным, бывшим заключенным и к прочим маргиналам, страх-ненависть пожилых к подросткам, страх-ненависть добропорядочных граждан к людям радикальных взглядов и др.).

¹⁰ Инаковые – это не облегченные «другие», которых можно не замечать и даже не «чужие», от которых можно отгородиться. Инаковые – это, зачастую, противоположные, альтернативные, активно противопоставленные здесь и сейчас. В быту они часто воспринимаются как чуждые, неприятные, противные, даже как враги. Поэтому реальная терпимость – это большой духовный труд.

инакоделающие, инакоживущие. Чем бережливее сообщество к своим инакомыслящим, тем больше у сообщества шансов выжить в борьбе, в соревновании с природой и другими сообществами. Что, собственно, и доказала западная цивилизация с ее беспрецедентными практиками терпимости в XVII-XX веках.

Много тысячелетий назад общественные конвенции в защиту инаковых открыли второе дыхание эволюции *Homo sapiens*. Естественный биологический отбор оказался слишком медлительным и тесным для этого странного вида с нециклической сексуальностью и способностью к рефлексии. Сегодня практики терпимости достигли своего апогея, по крайней мере, в части человеческих сообществ.

Неслучайно в наиболее развитом виде общественные конвенции в защиту инаковых сформировались в XX веке в индустриальных и постиндустриальных западных обществах. В последние 100-150 лет научно-технический прогресс и либеральная демократия практически свели на нет рудименты естественной селекции в местных популяциях вида *Homo sapiens*. Даже война перестала играть роль эволюционного механизма, поскольку военные технологии XX века уничтожали не наименее пригодных для жизни в эпоху модерна, а любых или даже лучших (как известно, одаренные невротические личности на фронтах Первой и Второй мировых войн погибали первыми и почти всегда).

После геноцидных ужасов Реформации и Тридцатилетней войны практики терпимости предстали в Европе как естественная гигиеническая мера в условиях господства пожирающих друг друга религиозных и прочих идентичностей. Общественные конвенции внутриевропейской религиозной терпимости постепенно распространялись на иные сферы жизни и вкупе с другими полезными для Европы факторами обеспечили ей сверхразвитие и процветание на ближайшие 300 лет.

В результате в XX веке всеисилие медицины, продовольственное благополучие и гуманность либерально-демократического устройства обеспечили выживание и самореализацию практически любым представителям человечества, по рождению или по собственной прихоти, попадавшим внутрь западных сообществ. Получившееся в итоге этно-био-медико-социально-культурное человеческое сверхразнообразие для неразрушительного сосуществования нуждалось в оформлении, институционализации. Во второй половине XX века как ответ на этот вызов стали формироваться беспрецедентные по своей изощренности плюралистические практики и поддерживающие их общественные конвенции. Политкорректность и мультикультурализм сформулировали соответствующую систему ценностей.

Чем больше в обществе общественных конвенций в защиту инакомыслящих, чем разнообразнее они, тем шире база для социального естественного отбора, тем выше у общества потенциал развития. Чем развитее у

сообщества способность к сохранению инаковых ценностей и практик, тем быстрее и лучше оно приспособляется к изменениям окружающей среды, тем живучее оно в кризисные периоды. И наоборот.

Но у всего есть свои обратные, темные стороны. Терпимость – враг идентичности, даже если в основе идентичности – терпимость.

Кроме того, есть подозрение, что уровень терпимости в обществе прямо пропорционален уровню достатка и социального комфорта его обывателей («простых», «средних», «обычных» людей). Чем благополучнее общество, тем оно терпимее, тем шире объект общественной конвенции о «полноправном человеке», тем более терпимо «социальное большинство». И наоборот, нарастающее неблагополучие сужает сферу терпимости.

Уже сегодня мы являемся свидетелями того, как в США и в европейских странах под давлением переселенческих волн и террористической угрозы разрушаются общественные конвенции терпимости и политкорректности в отношении мигрантов, приверженцев ислама и др.

В каких-то обстоятельствах жесткие социальные конструкции, основанные на агрессивном поддержании идентичности, прошитые общественными ксенофобскими конвенциями, могут предстать как наиболее подходящий способ выживания и сохранения сообщества. Тем более, что плюралистические общественные конвенции никогда не бывают абсолютными. Никогда не бывает толерантности ко всем. Всегда есть кто-то, кто чужой, чьи ценности и практики не просто инаковые, но и конкурирующие с моими или даже им противоположные, подрывающие мой привычный образ жизни.

Наращивающий внутреннюю толерантность Западный мир абсолютно не толерантно в XVII-XX веках осваивал Америку, Азию и Африку. В Западной Европе внутренний еврокоммунизм вполне соответствовал западным представлениям о политическом плюрализме, а внешний советский социализм уже не соответствовал. И т.д. и т.п.

Но, но и но. Относительность и непоследовательность человеческой терпимости не может отрицать пользы самой терпимости. Плюралистическое мышление естественным образом обращает внимание человека на естественное многообразие мира. А многообразие человеческих взглядов и практик – это прежде всего разнообразие возможностей, разнообразие в выборе лучшего, правда для тех, кому нравится выбирать. Но... И т.д. и т.п.

СОЦИАЛЬНАЯ МИССИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В правах человека, как моральных нормах, отражается нечто более глубокое и менее очевидное, что объясняет смысл и прав человека, и иных подобных феноменов человеческой и нечеловеческой жизни. В правах человека проявляет себя некий универсальный закон, управляющий социальной жизнью не только человека, но и многих других живых существ, по крайней мере, высших млекопитающих.

Если вид, популяция «выбирает» своим способом существования¹¹ социальность¹², то вместе с социальностью¹³ выбирает и иерархию как единственно приемлемый для **коллективного «производства благ»** способ структурирования группы. Иерархия абсолютно эффективна только в коллективном производстве, в совместном обеспечении особями своих потребностей. Но отпущенная на волю, неконтролируемая иерархия разрушительна для группы. Доминантные особи безнадежно агрессивны. Не сдерживаемая агрессивность вожаков в тенденции беспредельна и без сдержек обречена разворачиваться в геноцид. Кроме того, чрезмерное подавление вожаками активности рецессивных членов группы контрпродуктивно для группы, так как снижает ее возможности в «производстве общественных благ» (у «переподавленных» членов группы снижается «производительность труда»). Соответственно любая социальность существует только в рамках системы сдержек и противовесов, смысл которой в нейтрализации негативных эффектов иерархического устройства группы.

С одной стороны, эффективные, с точки зрения производства общественных благ, но конфликтные¹⁴ и разрушительные для группы иерархические отношения уравниваются сшивающими группу горизонтальными, сетевыми связями ее членов¹⁵. С другой стороны, наличие

¹¹ Способ взаимодействия с окружающей средой.

¹² Социальность как способ существования популяции предполагает, что единицей «производства благ» выступает не особь, а группа (пища добывается группой, безопасность обеспечивается группой, уход за потомством обеспечивается группой и т.д.).

¹³ Социальность - не обязательный сценарий даже для млекопитающих, даже в пределах одного вида разные популяции в зависимости от внешних условий могут использовать как социальные, так и индивидуалистические стратегии (стайные волки лесов и одинокие волки степей и полупустынь).

¹⁴ Конфликт в иерархических отношениях есть способ заявления, фиксации и подтверждения доминантного статуса в иерархических отношениях.

¹⁵ Безусловно, причинно-следственную логику можно перевернуть: абсолютное преобладание горизонтальных, сетевых отношений так же разрушительно для группы, как и гипертрофия иерархичности. Неуровновешенные «горизонталями» вертикальные иерархические общественные связи центростремительны: доминант, замыкая все связи на себя, поддерживая статус, вынужден агрессией уплотнять группу до «социальной черной дыры». Неуровновешенные «вертикалями» горизонтальные сетевые отношения центробежны: преобладание сетевых отношений подрывает производство общественных благ, группа перестает быть выгодной ее членам, те покидают ее или замыкаются в индивидуальном существовании, отношения в группе разряжаются до «социальной пустоты». Другое дело, что существование группы не всегда самоценно. Разрушение группы через иерархическую или сетевую гипертрофию может расцениваться лишь как факт приспособления популяции к требованиям среды, способ перегруппироваться или перейти к более адекватным в изменившихся условиях индивидуалистическим практикам.

«норм поведения» (условных и безусловных рефлексов), обеспечивающих иерархию (признание доминантов и подчинение им), уравнивается «нормами поведения», сдерживающими чрезмерное (вредное для популяции) доминирование и агрессию вожаков.

Примерно так же все обстоит и среди людей. В каждом человеческом сообществе, глубоко иерархичном в своей структуре, высокопроизводительные, но напряженные и конфликтные вертикальные отношения, смягчаются и уравниваются горизонтальными сетевыми связями¹⁶. В каждом человеческом сообществе наряду с ценностями и нормами, обеспечивающими и оправдывающими социальные иерархии, господство одних людей над другими, всегда существуют ценности и нормы, ограничивающие злоупотребление господством и основанные на идее равенства, равенства в человеческом достоинстве.

Необузданная иерархия, неограниченная свобода иерархов (лидеров и властных институтов) приводит к депопуляционному повышению «иерархической смертности»¹⁷ в сообществе и, соответственно, к гипертрофии «социальных центробежных тенденций» и к дестимулированию производства общественных благ. В конечном счете, сообщество гибнет или перерождается через распад или через мощные социальные конфликты.

Права человека на своем, моральном, уровне предохраняют сообщество от крайних проявлений иерархического способа существования. Права человека (как реальные общественные конвенции), защищая «человеческое достоинство»¹⁸ членов сообщества и сдерживая произвол и эгоизм властей, на моральном уровне стабилизируют сообщество, предотвращают его распад. Не говоря уже о прямой выгоде прав человека для членов сообщества в виде моральных ограничений на «иерархическую смертность» и «иерархические увечья»¹⁹.

Права человека не дают «доминантным человеческим особям» (лидерам, вождям, управляющим, элитам, правящему классу, государственным институтам) эгоистически разрушать человеческие сообщества, слепо следуя миссии управления и инстинкту господства (ведь известно, что в **ограниченный период времени** грамотно выстроенная диктатура эффективнее грамотно выстроенной демократии). Общественные конвенции в защиту человеческого достоинства, вводя моральные запреты на соответствующие деструктивные действия властей, защищают человеческое достоинство конкретных личностей от произвола власти и тем

¹⁶ Получив «социальное увечье» в вертикальных иерархических отношениях, человек находит убежище и «залечивает раны» в горизонтальных отношениях, т.е. воспроизводит себя для того, чтобы вновь включиться в производительные вертикальные отношения.

¹⁷ «Иерархическая смертность» - разновидность «социальной смертности» как смертности по социальным причинам, в данном случае, как результат отношений господства-подчинения, говоря марксистским языком, смертность как результат сверхэксплуатации. Например, и в российской, и в европейской истории известны многочисленные случаи высокой смертности крепостных крестьян от голода, вызванные непомерно высокой феодальной рентой.

¹⁸ Правильнее было бы сказать «достоинство члена сообщества» или даже «общественное достоинство личности».

¹⁹ «Иерархическое увечье» - моральная или физическая травма, полученная в результате отношений господства-подчинения.

самым обеспечивают социальную стабильность сообщества, проявляющуюся как воспроизводство общественных благ. При этом права человека не посягают на сами иерархии, что и обеспечивает формирование «правочеловечных» общественных конвенций и **присоединение к ним людей власти**. Права человека не унижают людей власти – они их ограничивают, но с их согласия, хоть и относительного, обеспеченного моральным принуждением.

Все человеческие сообщества вырабатывают механизмы, сдерживающие деструктивность иерархий. Эти механизмы основаны на горизонтальных сетевых взаимодействиях (1), представлениях о равенстве в достоинстве членов сообщества (2) и специфических моральных нормах (правах человека) защищающих члена сообщества от произвола и безразличия власти (3).

Великая социальная миссия прав человека – через моральные запреты защищать человеческие сообщества от деструктивных эффектов человеческих иерархий. Права человека, не отрицая власть, существенно смягчают ее разрушительное воздействие на личность. «Правочеловечные» моральные нормы не побеждают социальные законы, но делают их приемлемыми для большинства.

ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Право человека не соблюдается без общественного согласия по его поводу.

Каждое из прав человека повсеместно соблюдается лишь там и тогда, где и когда оно – реальная ценность для всех.

Повсеместное соблюдение права человека зависит от всеобщего его уважения.

Конкретное право человека соблюдается в обществе не тогда, когда его записывают в Конституцию, а тогда, когда его соблюдение становится моральной нормой.

Право человека соблюдается почти всеми и почти всегда тогда, когда нарушать его опасно, стыдно и не принято.

Право человека реально потому, что его признают люди, а не потому, что его провозглашают правительства.

Не все, что называют «правом человека», является правом человека.²⁰

Очевидно, что права человека в России являются общепризнанным общественным благом (можно сказать, что в России сложилась национальная общественная конвенция о правах человека как о благе). Любой гражданин России, включая Президента и директора ФСБ, находясь в здравом уме, искренне согласится с тем, что права человека должны соблюдаться. Однако это позитивное отношение к «правам человека вообще» не означает, что благом российское большинство автоматически будет считать любое право, провозглашенное кем-то «правом человека». Абсолютно позитивное отношение сложилось именно к **феномену** прав человека, а не к каждому праву в отдельности. Каждое право должно обрести под собой «собственную» общественную конвенцию, чтобы стать реальным, живым правом человека.

То же самое происходит и уровнем ниже. Позитивное отношение российской публики к «свободе слова», к «праву избирать и быть избранным» или к «праву на жизнь», совершенно не означает, что люди столь же позитивно будут относиться к любым выборам хоть кого, к любым представлениям о свободе слова, не говоря уже о запрете смертной казни.

На этой вольной или невольной подмене «родовых» и «видовых» общественных конвенций основываются многие заблуждения в среде

²⁰ В данном случае не рассматриваются массовые обыденные лексические недоразумения, когда правами человека называют нормы, не связанные с защитой человеческого достоинства от произвола или безответственности власти.

российских правозащитников, заблуждения эти подкармливаются неряшливыми соцопросами. Многие правозащитники считают, что позитивное отношение общества к «правам человека вообще» означает и позитивное отношение общества к любому конкретному праву человека в частности. **Поэтому стоит только более или менее официально провозгласить какое-либо право «правом человека», как тут же возникает моральное основание требовать от общества и государства его соблюдения – ведь и общество и государство считают права человека общественным благом. В то время как моральное основание требовать всеобщего соблюдения того или иного права может основываться только на одном – на конвенциональности конкретного права, на всеобщем согласии по его поводу.** Нет общественного согласия по поводу права – нет моральных оснований требовать его соблюдения. Есть лишь моральные основания добиваться общественного согласия, вести пропаганду права, убеждать в общественной полезности соблюдения этого права, демонстрировать и расширять инаковость внутри «социального большинства».

Всегда, конечно, есть соблазн политического принуждения к соблюдению неконвенциональных прав человека (принуждение к соблюдению прав через государственную политику, давление международных институтов, «гуманитарные интервенции»). **Именно поэтому столь велика политизированность российских профессиональных правозащитников. Столкнувшись в России с государственным и общественным неприятием «ООНовских трактовок» некоторых прав человека, российские правозащитники надеются и пытаются содействовать тому, чтобы к власти в стране пришел режим, который обеспечит соблюдение этих не конвенциональных сегодня трактовок прав человека. Этаким наивный правозащитный авторитаризм.** И это вместо того, чтобы самим продвигать в российском обществе неконвенциональные права, убеждать общество в их «гуманитарной полезности», множить победы над нарушителями неконвенциональных прав и тем самым доказывать обществу их актуальность и жизненность. За права человека (за правозащитный результат) в стране отвечают правозащитники, а не государство.

Не всякое провозглашенное государством, мировым сообществом или отдельным человеком право человека является РЕАЛЬНЫМ, ЖИВЫМ правом человека. Конкретное право человека мертво, если не признается всеми членами общества (очень подавляющим большинством).

Живое (конвенциональное) право человека – это право человека, которое всеми признается и, как правило, всеми добровольно соблюдается. Нарушение этого права, всеми осуждается. Даже те, кто нарушают это право, знают, что делают плохо. Например, в России явно живым, реальным правом человека является право на личную свободу (запрет

рабства и других подневольных состояний).

Мастерство правозащитника заключается в навыке отличать представления конкретного человека (группы, организации) о правах человека от общественных конвенций о правах человека.

Главное – это умение понять, насколько ваши представления о правах человека совпадают с уже существующими в обществе «правочеловечными» общественными конвенциями, то есть, насколько «ваши права человека» общеприняты, естественны в обществе. Мастерство правозащитника заключается в четком, осознанном соотнесении избираемых стратегий и тактик с уровнем конвенциональности отстаиваемого права. **Правозащитная деятельность в отношении конвенциональных прав кардинально отличается от правозащитной деятельности в отношении неконвенциональных прав.**

Конвенциональные и неконвенциональные права человека на национальном уровне (говоря по-русски – на уровне страны), где генеральная совокупность общественной конвенции – все взрослые жители страны, можно описать следующим образом:

Конвенциональные права человека (реальные, живые права человека) – права, соблюдение которых в стране обеспечивается реальными общественными конвенциями. Конвенциональные права – общепринятые права, общественное благо которых не подвергается сомнению, права, по поводу смысла которых в обществе достигнуто согласие, консенсус. Конвенциональные права, как правило, соблюдаются. Конвенциональные права человека в России: право на неприкосновенность жилища, право на свободу выезда из страны, запрет рабства, право избирать президента России, запрет жестокого и унижающего обращения в отношении **не виновных** в совершении преступления, свобода вероисповедания, право владеть имуществом, запрет произвольных арестов и др.

Неконвенциональные права человека (провозглашенные, но не воспринимаемые как обязательные к соблюдению) – права, под которыми нет общественных конвенций, права, которые не всеми членами общества и не во всех случаях оцениваются как безусловное благо или просто «социальное большинство» к ним безразлично. Неконвенциональные права – это права, в отношении которых не достигнуто общественное согласие. Неконвенциональные права являются реальным благом только для меньшинств. Применительно ко всему обществу неконвенциональные права существуют как проект, имеющий своих «авторов», своих заинтересованных сторонников и «продвигателей». Неконвенциональные права факультативны, общественное мнение не требует их повсеместного и обязательного соблюдения. Неконвенциональные права соблюдаются или не соблюдаются в соответствии с личной позицией того, от кого зависит соблюдение права.

Неконвенциональные права человека в России: презумпция невиновности (в России существует «право публичной подозрительности в общественных интересах»), свобода слова (в классическом западном понимании), запрет жестокого и унижающего обращения в местах ограничения и лишения свободы, свобода мирных собраний, право выбирать глав регионов и др.

Возможно выделение и маргинальных прав человека – прав, существующих исключительно как проект, не имеющих хоть сколько-нибудь значимой общественной поддержки. Права, никому не нужные, кроме «авторов» прав.

Гипотеза о «заполнении» в современной России (на конец 2006 года) конвенциональной ниши, которую очень условно, в узком и привычном ООНовском смысле можно назвать «правом на участие в управлении своей страной».²¹

*«Выборную нишу» в России заполняют следующие **конвенциональные** права:*

- *Право избирать главу государства (Президента России). Это право абсолютно общепринято в России, подавляющим большинством взрослого населения страны воспринимается как очевидное общественное благо, право это никем не оспаривается, всеми соблюдается.*
- *Право избирать высший законодательный орган страны (депутатов Государственной Думы).*
- *Право избирать главу города, мэра (право на грани конвенциональности).*
- *Право избирать законодательный орган региона (право на грани конвенциональности).*

Неконвенциональные «выборные права» (необщепринятые, неконсенсусные в России, являющиеся конвенциональными лишь для отдельных территорий, социальных групп, субкультурных и прочих меньшинств):

- *Право избирать главу региона (право, значимое лишь для отдельных социальных групп, но при определенных условиях может приобрести тенденцию к конвенциональности в отдельных регионах, а затем и в России в целом).*

²¹ На самом деле более правильно было бы именовать эту нишу через более широкое понятие «влияние», а не «управление» и уж тем более неправильно связывать естественную человеческую потребность «влиять на власть в своих интересах» почти исключительно с выборными процедурами, поскольку сами по себе формы влияния на власть значительно разнообразнее двухвекового опыта североатлантической парламентской демократии (см. И.В. Аверкиев. Страна на заре-2: <http://www.prpc.ru/averkiev/060201.shtml>). Однако это уже тема для других рассуждений.

- *Право избирать органы представительной власти муниципального уровня (чем меньше муниципальное образование, тем меньше сторонников этого права).*
- *Право создавать органы территориального общественного самоуправления (право, значимое для представителей активистских субкультур).*
- *И другие.*

Маргинальные «выборные права» (права-проекты как таковые, не имеющие в России хоть сколько-нибудь значимой общественной поддержки):

- *Право равного доступа к государственной службе (в России действует противоположная общественная конвенция, смысл которой можно сформулировать так: «руководитель органа исполнительной власти вправе сам определять, с кем ему работать», к конкурсам на замещение государственных и муниципальных должностей в России никто серьезно не относится, гражданского спроса на конкурсы нет. Нужен очень мощный проект по продвижению этого права, чтобы выйти хотя бы на тенденцию к конвенциональности).*
- *Право избирать членов Совета Федерации (конвенциональность этого права напрямую зависит от политического веса этого органа, все чувствуют, что за Советом Федерации сегодня ничего нет, кроме символической процедурности, проистекающей из пока формальной федеративности России).*
- *И другие.*

Эта гипотеза фиксирует различные «выборные права» именно на конец 2006 года. Через год перечень и соотношение конвенциональных и неконвенциональных «выборных прав» может измениться, а через десять лет может измениться до неузнаваемости. В любом случае, провозглашенное в Конституции «право выбирать и быть избранным» не означает, что любые выборы являются в России признанным общественным благом. Благом являются лишь те выборы, которые «социальное большинство» считает для себя полезными. Во всем остальном «социальное большинство» нужно убеждать или принуждать.

НЕКОНВЕНЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАВА – ЧТО С НИМИ ДЕЛАТЬ?

Если право, которые вы считаете правом человека, часто не соблюдается, если посягательство на него никого особенно не задевает, кроме самих жертв, – значит, это право неконвенционально, значит, очень многие члены сообщества **не чувствуют**, что в этой сфере имеет место **произвол или безответственность власти, унижающие человеческое достоинство**. Значит, в обыденном, человеческом смысле нет такого права человека в этой стране.

Так, например, значительная часть жителей России не посчитали отмену выборов губернаторов нарушением прав человека (нарушением права на «участие в управлении своей страной», точнее, права «влиять на власть в своих интересах»). Потому что не почувствовали произвола в этой инициативе путинского режима, произвола, унижающего их человеческое достоинство. Потому что **не связывали благополучие и будущее своих семей с политическими решениями регионального уровня** («зачем влиять на то, что не влияет на меня»). Можно по-разному относиться к этим людям, но их позиция определила на тот момент неконвенциональность этого права в России. Поэтому никто за него тогда особо и не боролся. Даже политические противники отмены выборов губернаторов особенно не сопротивлялись, потому что хоть и не понимали, но чувствовали неконвенциональность в России этого права. Не было тогда в России такого «права человека и гражданина».

Другое дело, если бы вдруг в Кремле нашлись отморозки, которые бы решили отменить выборы президента или отменить выборы депутатов Государственной Думы. Вот тогда бы мир узнал, что такое в современной России нарушать реальные права человека. Никому бы мало не показалось. Как бы ни иронизировали российские либералы над нашими президентскими и парламентскими выборами (что не мешает им неистово стремиться в них участвовать), для нормального российского обывателя эти выборы – реальное общественное благо. Известная символичность этого блага не умаляет в глазах людей его ценности. Право избирать президента и депутатов Госдумы реально конвенционально в России. Большинство граждан России, даже если не ходят на выборы, считают выборы федеральной власти реальным предельным способом влияния на нее. Это право – неважно, пользуются им или нет – **предстает для российского обывателя последней гарантией вменяемости и «незлодейства» власти**. Биться за соблюдение этого права граждане России будут очень серьезно. Поэтому никто на это право в России и не покушается. Как уже говорилось, власть очень чувствительна к общественным конвенциям и покушается на них только в самых крайних, параноидальных случаях. А большей частью к ним присоединяется и на них опирается.

* * *

Если вы выяснили, что ваши представления о правах человека необщеприняты в обществе. Если вы не обнаружили в обществе общественных конвенций, соответствующих вашим представлениям о правах человека или существующие конвенции лишь частично совпадают с вашим «символом веры», то крайне важно уметь понять, какие из ваших представлений перспективны для общественных конвенций, а какие в обозримое время бесперспективны.

Очень важно чувствовать вектор конвенционального народного творчества. Если вы чувствуете, что у ваших прав человека есть шанс обрести под собой адекватные общественные конвенции, если вы поняли, что общество движется в их направлении, то ваша задача стать **катализатором и оформителем** этого движения. Мастерство правозащитника будет заключаться в умении продвинуть важное для него право среди простых, обыденных людей, заинтересовать в нем: чтобы в идеологии и слогане продвигаемого права люди увидели высшую справедливость, которую чувствовали, но не могли выразить. Мастерство будет заключаться в умении модифицировать голую дефиницию права человека в конкретную и актуальную для сообщества **моральную форму** из живых слов и ясного содержания (современные российские правозащитники, как правило, формулируют права человека на тоскливом языке юридических норм). С одной стороны, это предполагает мастерство просветителя и пиарщика, с другой стороны, не обойтись без искреннего подвижничества, бескомпромиссного служения, личного примера, может быть, и подвига. Новые общественные конвенции формируются только в очень напряженном, энергоемком социальном поле.

Кстати, о подвиге. Подвиг – это принятый на себя **экзистенциальный риск**²² **во имя общественного блага.** Человек может смертельно рисковать, подвергать немислимым перегрузкам духовные и физиологические основы своей жизни, но, если то, во имя чего он все это делает, не воспринимается обществом как общественное благо, – его риски, жертвы и сверхдостижения останутся сугубо личным или корпоративным делом. Этого, безусловно, достаточно для личных счетов с небом, но недостаточно для прорыва в гражданской миссии. **Подвиг – это, к сожалению, предельный поступок на популярную тему.** Я к тому, что, если хочешь выиграть войну за новые общественные конвенции, – без предельных, но адекватных миссии и общественным ожиданиям поступков не обойтись.

Основное поле деятельности правозащитника – не существующие, а **формирующиеся общественные конвенции** в защиту человеческого достоинства. Правозащитник фиксирует новые вызовы, новых врагов человеческого в человеке и предлагает обществу на пробу новые варианты вечных прав и новые способы их защиты, продвигает в обществе эти актуальные варианты, провоцирует «конвенциональную активность» по их поводу. **Профессиональный правозащитник не столько «защитник»,**

²² Не только смертельный риск, но и любой иной риск утраты своей сущности, основ своего бытия: человек рискует свободой, образом жизни, мировоззрением, добрым именем, любовью и т.д.

сколько социальный инженер и миссионер своих «гуманитарных открытий».

Для защиты конвенциональных прав не надо обладать специальными знаниями, **эти права реализуются и защищаются обыденно, традиционно**, в обществе все для этого уже есть (смотрите, как все бросились защищать семью призывника, пострадавшую от «налета» осуществляющих призыв милиционеров). Проблемы возникают на стыках, на границах, на пиках, **в зоне столкновения старых норм и конвенций с новыми реальностями, где эти нормы и конвенции не срабатывают, а люди уже начинают страдать**. Вот здесь и нужны профессионалы прав человека: миссионеры, подвижники, заступники. Именно поэтому правозащитник – прежде всего диссидент, инакомыслящий социальный изобретатель, чья задача продвинуть в общество свое «гражданское изобретение». Не «достать» своим «изобретением» общество (что сегодня, к сожалению, иногда делают российские правозащитники), а продвинуть его, убедить общество в его полезности.

ЧЕМ БОЛЬШЕ ЛЮДЕЙ ВЕРЯТ В НЕКОНВЕНЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО ЧЕЛОВЕКА, ТЕМ БОЛЬШЕ ЛЮДЕЙ ВЫНУЖДЕНЫ СЧИТАТЬСЯ С ЭТОЙ ВЕРОЙ, ТЕМ ЧАЩЕ ЭТО ПРАВО ЧЕЛОВЕКА СОБЛЮДАЕТСЯ, ТЕМ БЛИЖЕ ОНО К КОНВЕНЦИОНАЛЬНОСТИ.

Неконвенциональное право – всегда проект, диссидентский призыв к присоединению. А любой акт инакомыслия всегда и естественно провоцирует сопротивление, даже в самом терпимом обществе. Поэтому сопротивление и безразличие общества не должны удивлять правозащитника, а только вдохновлять, ибо для того диссиденты и появляются в мире, чтобы безразличие превращать в сочувствие, а сочувствие в поддержку. Именно поэтому правозащитник – миссионер.

Многие современные российские правозащитники как-то постепенно превратились в антимиссионеров прав человека: чем дальше от 1991 года, тем больше их не понимают в своей стране, тем шире круг людей безразличных и враждебно относящихся к тому, что они говорят и делают. Они не продвигают – они задвигают права человека в России.

Постсоветское правозащитное движение, стартуя в начале 1990-х годов, в силу разного рода причин имело очень хорошие позиции в российском общественном мнении, а заканчивает в середине 2000-х почти полным общественным фиаско. Отношение «простого российского человека» к «правозащитникам» сегодня приблизительно такое же подозрительно-неблагожелательное, как отношение «простого советского человека» к диссидентам в советские семидесятые годы. Ситуация в стране кардинально изменилась (продвигаемый диссидентами 1970-х и сегодняшними правозащитниками «ООНовский проект прав человека» в современной России гораздо более уместен, чем в СССР), а в среде правозащитников неумение находить общий язык с населением по-прежнему считается состоянием приличным и допустимым (иной раз кажется, что это такое замещение правозащитной идентичности – не понят населением, значит, настоящий правозащитник). Гражданский авангард ушел в отрыв,

«смирившись» с ролью авангарда. А теперь уже смирился и самим отрывом.

Если в обществе существуют общественные конвенции в защиту человеческого достоинства, соответствующие тем правам человека, которым вы служите, – вы должны порадоваться за общество. В этой ситуации от вас потребуется умение, во-первых, получать информацию о несоблюдении этих конвенциональных прав (поскольку их, как правило, соблюдают, и соблюдают неплохо, а несоблюдение тщательно скрывается) и, во-вторых, вовремя и адекватно оповещать общество о фактах несоблюдения этих прав. Возможно еще понадобится методическая помощь неопытным гражданам. От вас не требуется самое трудное: «поднимать народ», возбуждать активность и т.п. Применительно к конвенциональным правам с этим проблем не будет.

Сегодня в России конвенциональны многие социальные права. Есть кому следить за их соблюдением, есть кому их защищать и даже есть кому лоббировать новые, неконвенциональные социальные права. Основные проблемы в этой сфере сугубо политические и «технические»: конкуренция реципиентов (инвалидов, ветеранов, малоимущих, сирот) за государственные преференции, коррупция, неэффективное бюджетирование и администрирование социальной сферы. Естественно, по поводу решения этих проблем заинтересованным гражданам разумнее сотрудничать с «Единой Россией», с общественными лоббистами в лице советов ветеранов и обществ инвалидов, с местными мэрами и губернаторами, чем с правозащитниками.

*Впрочем, и в этой области прав существует дискриминация, а это уж явно правозащитное поле деятельности. Речь идет о дискриминации в доступе к социальным правам сирот, **бывших** заключенных, **сельских одиноких** стариков, **одиноких** инвалидов и др. Всех их объединяет одно: они абсолютно никому не нужны в нашей стране и абсолютно беззащитны перед любым произволом. В России нет общественных организаций, которые бы реально защищали их интересы. Более того, по объективным причинам, в отличие от, например, мигрантов, городских стариков, неодиноких инвалидов, заключенных и других, эти жители страны не в состоянии организовать для самозащиты. Но российские правозащитники, за небольшим исключением, не занимаются проблемой их дискриминации.*

Как ни странно, российские правозащитники предпочитают защищать социальные права самой высокодоходной и защищенной части российских пенсионеров – «ветеранов», которые наделены особыми привилегиями по закону о «Ветеранах», как правило, имеют более или менее

благополучных взрослых детей²³ и мощные лоббистские организации в лице советов ветеранов. Вероятно, это внимание правозащитников к ветеранам, как и эксклюзивное внимание к ним власти, связано с тем, что ветераны являются самым организованным и влиятельным отрядом российского, в основном пожилого, электората. Хотя какое отношение правозащитники имеют к электоральным расчетам...

Сегодня общество вполне контролирует ситуацию и с соблюдением свободы передвижения, свободы вероисповедания, избирательных прав²⁴ (другое дело, что во всем мире избирательные права постепенно становятся символическим благом). Все более зрело и организовано местные сообщества и заинтересованные группы граждан противостоят практикам жестокого и унижающего обращения со стороны правоохранительных органов.

Функция правозащитников в этих сферах – узнать и донести обществу информацию о конкретных нарушениях прав. С протестом и санкциями общество уже справляется само. Даже СМИ без особых проблем берутся за эти темы. Конвенции чувствуют все, кроме тех, кому выгодно их не чувствовать.

Очень важно умение понимать и принимать бесперспективность собственных представлений о соблюдении и защите того или иного права. Ну нет под этими представлениями общественных конвенций – ценное для вас право не соблюдается и не защищается как следует, поскольку люди не чувствуют в нем потребности.

Например, не видит сегодняшнее российское большинство проблем со свободой слова применительно к СМИ. А активная часть общества вообще не связывает с традиционными СМИ функцию «обеспечения правдой».

Мастерство правозащитника проявляется в понимании того, абсолютна или временна эта бесперспективность, в умении переформулировать право, понять, как выглядят его более актуальные аналоги.

*Оператором функции «обеспечения правдой» для тех, кому она важна, сегодня все в большей степени становятся **средства***

²³ Звание «Ветеран», как правило, получали люди с относительно высоким и прочным советским или постсоветским социальным и имущественным статусом, который, в свою очередь, обеспечивал их детям более или менее приличный старт.

²⁴ Речь идёт опять-таки о правах конвенциональных в России, о соблюдении невостребованных прав общество не заботится (сегодня к таким правам относятся: право избирать губернаторов, право избирать органы **территориального общественного самоуправления**, право избирать органы представительной власти в небольших населенных пунктах и т.п.).

массовой коммуникации (СМК) - Интернет и т.п. Кроме того, для активной части населения все более важной становится возможность **прямого получения информации из государственных и муниципальных источников («право на справку»)** – вот с чем у нас сегодня проблем «выше крыши». СМИ же сохраняют за собой лишь функцию **средств массовой пропаганды (СМП)** – политический и прочий PR, маркетинг, реклама, что, кстати, устраивает значительную часть общества как более удобный для потребления «суррогат правды» (и это не только российский феномен), и все более расширяется функция СМИ как **средств массового развлечения (СМР)**. СМП и СМР имеют очень опосредованное, почти «нулевое», отношение к свободе слова, к свободе информации. Но под эти функции в современных электронных СМИ во всем мире выделяется до 90% эфирного времени – не до свободы слова им. Если СМИ свободны – то все определяет бизнес и то обстоятельство, что шоу и шоу-информация выгоднее «просто информации». СМИ сегодня скорее изощренное орудие дегуманизации и духовного порабощения человека, чем средство его освобождения. Неслучайно все большие представители «интеллектуального класса» осознанно сокращают потребление масс-медийной продукции и находят свои информационные ниши в Интернете, в частном и субкультурном общении. Для них информация в СМИ является лишь **поводом для сбора реальной информации**.

Многие забывают, что право человека, именуемое «свободой слова», а точнее «свободой информации», сформулировано, прежде всего, для обеспечения информационной безопасности личности – невозможно полноценно и безопасно существовать, не обмениваясь жизненно важной информацией с внешней средой, не зная, как она устроена и как использовать ее в своих интересах. Традиционные СМИ – не только у нас, но и на Западе – объективно и стремительно утрачивают эту функцию, их поглощает индустрия развлечений и шоу-политика (это не заговор – это новый тип цивилизации). Интернет и мода на субкультурную самореализацию подоспели вовремя. Прямая, живая персонифицированная коммуникация стремительно вытесняет с информационного поля отчужденных посредников в лице СМИ. СМИ не умирают, они меняют миссию, все более из инструмента защиты прав человека превращаясь в источник угрозы для них.

Главная задача в деле обеспечения свободы информации в России - прочистка информационных каналов между властью и населением. «Право на справку» - важнейшее информационное право человека в России. Российская власть пренебрегает обращениями граждан, унижает невниманием к их информационным запросам и жалобам, манипулирует ими, не предоставляя необходимые подтверждения прав,

*скрывая лично значимую информацию. «Право на справку», «право на получение любой несекретной информации **непосредственно** из любых государственных и муниципальных источников» - вот что должны сегодня продвигать и защищать российские правозащитники. Плюс интернетизация всей страны. Проблема СМИ сегодня – это, в большей степени, проблема шоуменов, шоуполитиков и потребителей их услуг. Функция обеспечения информационной безопасности личности уходит из СМИ.*

Очень важно уметь осознанно и оперативно переключиться из режима защиты невостребованного права в режим его продвижения, как длительный просветительский проект.

Во времена перемен, в эпоху «смены парадигм», где и пребывает наша страна, очень важно умение заметить, распознать новые формирующиеся общественные конвенции, просто общественные инициативы, перспективные для вашей парадигмы прав человека. Мастерство правозащитника - в умении присоединиться к чужим, но близким по сути, конвенциональным проектам, не цепляясь за дефиниции, не навязывая своего языка, не ревнуя, помогая тем, чем просят, а не тем, что есть, относясь к чужому делу, как к своему.

КАКОЙ ЧЕЛОВЕК – ТАКИЕ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Каковы представления о человеке, таковы и права человека.

Правами человека обладает тот, кто считается человеком. Обыденные представления человека о Человеке никогда не были биологическими (человек это тот, кто на двух ногах, с круглой головой и т.д.). Представления человека о Человеке всегда социальные.

Права человека реализуются в рамках общественных конвенций о социальной сути человека, а суть эта всегда определялась социальными и этнокультурными границами и иерархиями.

Если права человека основываются на неформальных общественных конвенциях в защиту человеческого достоинства, а общественные конвенции формируются как общественное согласие, как общепринятое мнение, то права человека это, прежде всего, права большинства, сформулированные большинством для самого себя.

Реальные права человека, права человека, **естественным образом** существующие в обществе, – это всегда права большинства.

Права человека – это права «социального большинства», тех, кто формирует идентичность сообщества, кто определяет традиции, обычаи, «национальную идею». Именно внутри «социального большинства» заключается символический «общественный договор» между народом и властью.

Какие бы замечательные права человека ни были включены в Конституции и законы, естественные общественные конвенции в защиту человеческого достоинства всегда дискриминационны, всегда не для всех. Естественные «правочеловечные» конвенции справедливы и честны всегда только для «своих», для тех, кого считают полноценными, полноправными членами общества. Эти «свои» могут быть более чем подавляющим большинством, например, жителей страны, но всегда будут меньшинства, на которых права человека не распространяются во всем объеме.

Всечеловеческая универсальность прав человека – миф. Великий гуманистический миф.

Уважение прав человека в отношении меньшинств – это, к сожалению, благотворительность «социального большинства». Со всеми вытекающими отсюда последствиями – наличием доброй воли «социального большинства», его готовности нести расходы на обеспечение прав человека

для меньшинств, наличием ресурсов для этого.

К сожалению, массовые, общепринятые представления людей о людях никогда не были образцом гуманности. В человеческих сообществах всегда существовал кто-то, кого «социальное большинство» считало не совсем человеком: рабы, женщины, цветные, нищие, иноверцы, инородцы, неграждане, неарийцы, непролетарии, насильники, предатели, клятвопреступники, арабы, американцы, «черные» и т.д. «Недочеловечность» представителей этих групп «полноценные люди» объясняли по-разному, но относились к ним всегда одинаково: **с «не совсем людьми» можно поступать не совсем по-человечески.** «Не совсем человек» не может претендовать на то же, на что может претендовать «полноценный человек». «Не совсем люди» и «полноценные люди» не равны в человеческом достоинстве. У «полноценных» и «неполноценных» людей разный набор прав. Всяких, в том числе тех прав, которые мы сегодня называем «правами человека».

Раба и иноверца можно убить, женщину и нищего можно не слушать, насильника и предателя можно пытаться, инородца и непролетария можно лишить собственности, негражданина и неарийца можно выслать из страны. «Можно» – это значит, что «полноценному человеку» за это ничего не будет, другие «полноценные» его за это не осудят. **По отношению к «неполному человеку» допустим произвол.**

Обыденные (конвенциональные) представления о «равенстве в человеческом достоинстве» во всех людских сообществах распространяются только на «полных людей» – полноценных и полноправных.

Государство может провозгласить абсолютное равноправие всех, но **реальное правообладание всегда иерархично.** В любом обществе есть полноправные и неполноправные граждане, что бы об этом ни говорила Конституция. Речь не о формальном «равноправии» граждан и неграждан. Речь о более глубоких социальных и этнокультурных различиях.

Возьмем самый трудный пример. Считается, что в современных западных странах взаимоотношения между людьми приобрели некое принципиально новое качество – почти полное равноправие, стоит только стать гражданином. Граждане западных стран, конечно, по-прежнему не равны в богатстве, уме, способностях, но, по крайней мере, равны в правах. В этих странах человеческое достоинство у всех людей одинаковое. Каждый человек там – полноправный человек, то есть официально признанный полноценным. Считается, что в этих странах равенство в достоинстве, равенство в правах стало реальностью. Существуют, конечно, эксцессы, аномалии, но они не системны.

Однако любой непредвзятый наблюдатель подтвердит, что реальный набор добровольно соблюдаемых прав в этих странах у белых больше, чем у цветных, у богатых больше, чем у бедных, не говоря уже о серьезных

различиях между гражданами и негражданами. Нелегалы в Европе и Америке не менее бесправны, чем в России и более бесправны, чем, например, в Бирме (где нелегалов почти не замечают).

Неравенство в провозглашенных правах часто лежит на поверхности западного быта, но особенно бросается в глаза в полицейских участках, в судах, в политике. Задерживая цветного или бедного, ведя расследование, полицейский позволит себе гораздо больше вольностей, чем если бы имел дело с белым или богатым. В американских судах, как и в российских, бедному выиграть дело труднее, чем богатому в таких же обстоятельствах. Восточные немцы честно и на виду у всего мира пытаются догнать в реальных правах западных немцев. Негру еще долго не стать президентом США, а арабу – президентом Франции, не говоря уже о гомосексуалистах. А когда все-таки придет их время становиться президентами, их нишу «недопущенных» займут другие категории «неполных людей» (кто тогда ими будут: славяне, хаббардисты, исламисты, клоны или, наоборот: христиане, англосаксы, «натуральные люди»?). Возможно, когда-нибудь католик станет премьер-министром Великобритании, но табу появится для кого-то другого – не может быть, чтобы не было «чужих».

Под внимательным взглядом, распространенные в западных странах практики терпимости и политкорректности предстают как феномен почти исключительно публичной жизни. В пространстве частной жизни «западный человек» в своем отношении к «чужим», «инаковым» мало чем отличается от любого незападного человека.

Все это не умаляет великих гуманитарных достижений западной цивилизации. В послевоенном североатлантическом мире гуманитарное право и традиции терпимости загнали естественную ксенофобию и социальную ненависть в «подполье подсознания». На несколько десятилетий западные общества избавили себя от массового, привычного для человечества насилия и радикальной дискриминации на почве «социальной и национальной вражды». Но ничего не бывает раз и навсегда, особенно, когда речь идет о морали и справедливости. Ксенофобию нельзя вытравить из психики человека, в **благополучном** обществе ее можно выдавить из социальной практики, сведя к минимуму насилие на ксенофобской почве. Но все до поры до времени.

Еще недавно казалось: еще один виток политкорректности, и в западном мире идеал правового равноправия совпадет с реалом. Но после зверства «11 сентября» в западном «социальном большинстве» стремительно набирают формальную и неформальную «неполноправность» арабы и мусульмане. К сожалению, нам еще предстоит быть свидетелями того, как страх перед терроризмом и новыми волнами очередного великого переселения народов сомнет, сведет на нет великие традиции европейской толерантности. На кону будут более серьезные вещи, чем демократия и «ООНовские права человека», на кону будет культурное и жизненное пространство европейцев.

ГУМАНИТАРНЫЕ ПОБОЧНЫЕ ЭФФЕКТЫ ОТ РОСТА
БЛАГОСОСТОЯНИЯ И БЛАГОПОЛУЧИЯ В СТРАНАХ ЗАПАДА МЫ СПУТАЛИ С

МОРАЛЬНЫМ ПРОГРЕССОМ, С РАЗРУШЕНИЕМ СОЦИАЛЬНЫХ И
ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ГРАНИЦ И ИЕРАРХИЙ.

Права человека – уникальный и важнейший механизм морального сдерживания человеческой социальной агрессивности. Но **реальные, естественные** права человека (не те, что записаны в декларациях и конституциях) не могут быть лучше людей. Естественные права человека всегда дискриминационны по отношению к «чужим» и к тем, кого «социальное большинство» конвенционально считает неполноправными членами общества. Это ни плохо, ни хорошо, это просто надо учитывать, защищая свободу и человеческое достоинство личности от произвола власти. Главное – нельзя допускать кровопролития, прежде всего в этом должна проявляться сила государства. Нужно делать все возможное, чтобы в каждый конкретный момент власть и «социальное большинство» были гуманны с «чужими» в **максимально возможной** для себя форме и степени.

ДРУГАЯ УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Права человека универсальны не каждое в отдельности (как считают сторонники ООНовской парадигмы прав человека), права человека универсальны **как феномен**: как тип моральных прав, как способ противодействия злоупотреблениям властью, как совокупность норм, оберегающих человеческое достоинство.

Феномен прав человека универсален во времени – в том или ином виде права человека **были всегда**.

Феномен прав человека универсален в пространстве – в том или ином виде тип моральных норм, который европейцы называют «правами человека», **есть у всех народов**.

Феномен прав человека универсален в своей сути – во все времена у всех народов вырабатывались естественные общественные конвенции в защиту человеческого достоинства. Те или иные права человека бытуют у всех народов, во всех странах в виде специфических моральных норм, защищающих «простого человека» от произвола или безответственности власти.

Но каждое конкретное право человека, как и любая другая норма на нашей планете, – не универсально, так как **не универсальна (не всечеловечна) обеспечивающая его общественная конвенция**. Однако конкретные общественные конвенции в защиту человеческого достоинства у разных народов могут совпадать ровно настолько, насколько народы сопоставимы друг с другом. Конечно, у голландцев и датчан общественные конвенции в защиту человеческого достоинства почти не различимы. Другое дело, если мы сравним общественные конвенции в защиту человеческого достоинства тех же датчан и, например, курдов. Так ведь никто не сравнивает. Нет таких исследований. Очевидно лишь, что наряду со сходством, различия между датскими и курдскими общественными конвенциями в защиту человеческого достоинства будут очень серьезными, хотя смысл общественных конвенций датчан и курдов будет универсальным – защита человеческого достоинства, хотя представления датчан и курдов о человеческом достоинстве будут, видимо, отличаться, хотя гуманитарный смысл и общественная ценность человеческого достоинства в Дании и Курдистане будут одинаковыми, универсальными, хотя... и т.д.

Конкретный «набор» **естественных** прав человека всегда конкретно историчен и национален, как конкретно историчны и детерминированы социальной средой любые нормы: и моральные и правовые. «ООНовские права человека» – политико-идеологическое отражение одной из

цивилизационных парадигм прав человека в индустриальную эпоху («западная парадигма прав человека», «североатлантическая», «еврохристианская» – вечная проблема, как называть «западность», как называть все то, что вышло из греко-римско-иудейской колыбели).

Нет единого для всего человечества «набора» естественных прав человека (прав как норм). Нет, поскольку нет всечеловеческих, «общевидовых» общественных конвенций в защиту человеческого достоинства. При всей глобализации человечества как реального сообщества не существует. Человечество не создало и никогда не создаст единого «морального поля» (поля единых моральных норм, **не ценностей**), единого хотя бы для «простого большинства» (но общечеловеческая составляющая в национальных **ценностных** полях), безусловно, существует).

Даже внутри западной «правочеловечной» парадигмы не сложились общественные конвенции по поводу смертной казни, абортов, границ свободы слова, прав неграждан, прав сексуальных меньшинств и т.д. Среди народов, населяющих Землю, нет единых, общечеловеческих представлений не только о «правах», но и о том, что лежит в их основе: о самом человеке (что есть человек), о жизни и смерти, о жестокости, о произволе, о власти, о свободе, о справедливости и т.д. Что особенно важно, «общественная цена» человеческой жизни очень различается у разных народов.

В каких-то странах власть с легкостью, и с общественного согласия, распоряжается жизнями своих солдат, а в каких-то странах даже справедливая война и национальная безопасность не могут оправдать гибели сыновей.

При этом существует мощнейшая иллюзия общечеловеческого морального единства. Происходит эта иллюзия из очень простой, очень естественной и, как правило, подсознательной логической подмены.

Все мы понимаем, что истинных злодеев (людей, для которых делать зло – есть удовольствие) на белом свете очень немного. Мы понимаем, что подавляющее большинство людей «за все хорошее, против всего плохого», а не наоборот. Мы подозреваем, что все люди на планете согласятся с тем, что лгать нельзя, что нужно помогать слабым, что суд должен быть справедливым, что никого нельзя унижать, что государство должно защищать своих граждан и т.д. и т.п. Из таких вот представлений и рождается уверенность в существовании «общечеловеческих ценностей», которая плавно перетекает в миф об «общечеловеческих правах». Дьявол действительно скрывается в деталях.

Например, кто может быть против свободы слова – конечно, никто. Просто есть люди, которые против конкретных проявлений свободы слова, поскольку в разных обществах разное понимают под свободой, в различных культурах различаются представления о допустимой публичности, о способах взаимодействия людей с властью. Одни люди связывают свободу слова со СМИ, для других СМИ – это телевизор с мыльными операми и газеты с криминальной

хроникой, третьи связывают свободу слова прежде всего с правом голоса в местном сообществе и т.д. Наконец «свобода слова» – это всего лишь метафора, да еще переведенная то ли с французского, то ли с английского. В разных языках за этой «метафорой» может стоять разное. В итоге все за свободу слова вообще, но в частностях все сложнее. Способы достижения этого общественного блага, то есть конкретные права, могут очень отличаться в различных сообществах. Есть, конечно, западноцентричный подход, по которому свобода слова – это то, что является свободой слова в западных странах. Следовательно, там, где «не как на Западе», – свободы слова нет. Но, поскольку свобода слова объявлена универсальным для человечества правом человека, – значит, во всех странах свобода слова должна быть «как на Западе».

Или представляется естественным, что все нормальные люди против пыток, но при детальном рассмотрении этого безобразного, но сугубо человеческого феномена оказывается, что разные народы по-разному понимают пытки, более того, повсюду мы найдем стеснительные, но массовые представления об условиях, допускающих их применение.

Или хрестоматийный пример: когда произносится словосочетание «право на жизнь», все воспринимают это право как абсолютную ценность, но, когда речь заходит о конкретных абортах или смертной казни, – единодушие улетучивается.

В чем логическая подмена? В том, что **абсолютное благо**, универсальные для человечества ценности, сформулированные на уровне максимального абстрагирования (потому и универсальны) **приравнивают** к обеспечивающим их **относительным нормам**. Конкретная моральная или правовая норма вслед за абстрактной ценностью наделяется универсальностью, рассматривается как абсолютное благо, в то время как любая общественная норма есть лишь инструмент достижения общественного блага, и инструменты эти могут быть очень разнообразными в разных уголках планеты.

Ценность – это заявление о желаемом. Норма делает желаемое возможным и даже обязательным в конкретных обстоятельствах. Норма приспособливает неповоротливую ценность к обстоятельствам жизни. Моральные нормы, в том числе права человека, в отличие от ценностей, регулируют реальные отношения реальных людей, потому и не могут моральные нормы быть универсальными, общими для всех в каждый конкретный момент времени. Можно и, возможно, нужно определять те или иные моральные или правовые нормы как прогрессивные и продвигать их в других сообществах, «агитировать» за них, но нельзя требовать их исполнения, нельзя внедрять их силой или хитростью – все равно аукнется.

Например, отношения между людьми по поводу власти в Китае очень

отличаются от отношений между людьми по поводу власти в Бельгии. Но и для китайцев и для бельгийцев общепринятым общественным благом является «внимание власти к интересам граждан», однако реальные моральные нормы, обеспечивающие это внимание, будут разными. Кто возьмется определить, какие из этих норм лучше? Однако нашлись желающие и определили, и назвали «мировым сообществом».

То обстоятельство, что русский и француз считают благом отсутствие государственного произвола – их совершенно не сближает. По поводу таких очевидных вещей духовного родства не возникает. Вот если бы у русских, как и у французов, **было принято**, столкнувшись с произволом власти, обращаться в суд, искать поддержки у гражданских организаций, не только отбиваться от произвола, но и стремиться к наказанию виновных. Вот тогда возникло бы ощущение близости, некоего «почвеннического» единства, которое и возникает в отношениях между европейцами или между русскими и украинцами, но не между русскими и французами, при всей нашей любви ко всему французскому.

ОБЩИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БЛАГЕ НЕ СБЛИЖАЮТ. СБЛИЖАЮТ ОБЩИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НОРМАХ, обеспечивающих это благо.

Естественно, моральный релятивизм в понимании прав человека и сам относителен. В любой национальной парадигме прав человека стержнем содержится абсолют в виде «ценностного вектора»: надо защищать «маленького человека» от произвола власти. Это понимает и «маленький человек» и понимает, но не всегда принимает власть (при избытке произвола маленький человек превращается в большую проблему). Любые действенные механизмы, защищающие человека от произвола власти, воспринимаются любым «социальным большинством» как благо.

Ценности – это конвенциональные ниши для размещения в них конкретных норм: моральных и правовых. Существуют и «специальные» ценностные ниши для прав человека. Набор «правочеловечных» ценностных ниш у всех человеческих сообществ более или менее одинаков, существенно отличаться могут права, заполняющие эти ниши.

Права человека универсальны лишь как социальный феномен. Конкретные права человека всегда конкретно-историчны и конкретно-социальны, универсальна лишь их сущность (защита человеческого достоинства от произвола и безответственности власти). Только в однотипных сообществах – однотипные права.

Ценности, общественные блага могут быть универсальны, но обеспечивающие их права человека всегда конкретно-историчны и

конкретно-социальны.

«ООНовская парадигма прав человека», настаивающая на всечеловеческой универсальности каждого права человека – утопична. «ООНовская парадигма прав человека» включает в себя и реально универсальные «права», но это скорее не права, а ценности.

Вообще, Всеобщая декларация прав человека – великий, но очень эклектичный документ. Утопичность Декларации не абсолютна, но усугубляется ее противоречивостью.

На равных Декларация содержит в себе и универсальные **ценности** («право на жизнь», «свобода передвижения») и конкретные **права-нормы** («запрет произвольного ареста», «право на гражданство»).

На равных Декларация содержит в себе и **естественные моральные права** («право вступать в брак и основывать свою семью»)²⁵ и конкретно-исторические **нормы позитивного права** («право принимать участие в управлении своей страной непосредственно или через посредство свободно избранных представителей»).

На равных Декларация содержит и **универсальные ценности** («право на справедливый суд») и **сугубо европейские ценности и права**, по крайней мере, на данном этапе (например, «свобода убеждений», «презумпция невиновности»).

В Декларации содержатся права с «разным сроком годности»: права миру **«на вырост»** («право равного доступа к государственной службе») и права с явной **ретроспективностью**, привязанные к реалиям конкретного исторического периода («право создавать профессиональные союзы» – в данном случае право привязано к индустриальным обществам, для доиндустриальных и постиндустриальных обществ оно почти не актуально).

С равным статусом в Декларации представлены и **ценности** («право на свободу»), и **«родовые» права** («свобода ассоциаций»), и «видовые» права («право создавать профессиональные союзы»).

О крайней **нормативной относительности** многих социальных прав и говорить не стоит – это общее место.

Впрочем, все это отдельная тема, требующая отдельного обсуждения.

²⁵ Кстати, какой брак имеется в виду: моногамный или полигамный (например, мусульманское многоженство), или все равно какой? Если все равно какой, почему тогда во многих странах, в том числе в североатлантических, многоженство и многомужество под запретом.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, ПРЕЖДЕ ВСЕГО, ЕСТЕСТВЕННЫ

Самое простое – права человека естественны, потому что опираются на здравый смысл, на само собой разумеющиеся представления о достойной человека жизни.

Права человека естественны, потому что все люди ощущают в себе человеческое достоинство и испытывают чувство унижения, когда на их человеческое достоинство посягают. Удивительно, как бесконечно далекие от прав человека и всякой гуманитарности люди, сталкиваясь с произволом власти, тут же начинают говорить на языке прав человека, но главное, аргументируют свое недовольство в логике правозащитной парадигмы.

Права человека естественны, потому что опираются на естественные общественные конвенции в защиту человеческого достоинства, на общепринятые в сообществе моральные нормы, ограждающие человека от произвола и чрезмерного эгоизма власти.

Естественность прав человека проявляется в естественном протесте человека против нарушения или ограничения его конвенциональных прав, даже если они не называются правами человека. Массовый советский человек жил вне идеологии прав человека, однако и он возмущался перлюстрацией писем, вмешательством парткома в семейную жизнь, издевательствами над пьяными в вытрезвителях, невозможностью без последствий высказать свое особое мнение на собрании трудового коллектива и т.д. и т.п.

Лишите человека свободы, запретите ему общаться с людьми на интересующие его темы, лишите его уединения (частного пространства), подвергайте его унижительным процедурам, лишите его всех возможностей распоряжаться своей судьбой – и он перестанет быть человеком: сначала социально, потом духовно, психически, а потом и физически. Примеров более чем достаточно в изуверской пенитенциарной практике многих диктаторских и тоталитарных режимов.

Можно и так: моральные нормы (в том числе и права человека), поддерживаемые естественными общественными конвенциями, – это человеческие СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВНЫЕ РЕФЛЕКСЫ. Общественные конвенции (моральные нормы, традиции, обычаи) – это условные рефлекс «общественного животного», выработанные в условиях социального (группового, коллективного) существования. Одинаковость, общность этих условных рефлексов позволяет членам сообщества отличать друг друга от членов иных человеческих сообществ. Различие общественных конвенций в различных «популяциях» вида *Homo sapiens* создает социальное разнообразие вида. Общность конвенциональных ниш (ценностей) отражает биосоциальное единство вида.

ВЕЛИКАЯ ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ МИССИЯ ПРАВозАЩИТНИКОВ

Защищая права человека тех, кто внутри «социального большинства», от тех, кто внутри него же (от власти), правозащитники не забывают и о тех, кто снаружи. «Правозащитники по службе» и «правозащитники по совести» («люди доброй воли») – единственные из тех, кто, находясь **внутри** «социального большинства», всегда помнит и заботится о тех, кто находится **снаружи**: о вытесненных за пределы полноправия или недопущенных в эти пределы меньшинствах. Правозащитники заботятся о том, чтобы снаружи «социального большинства» всегда было как можно меньше людей, а внутри как можно больше, в идеале – все. Правозащитники заботятся о том, чтобы никто не выдавливался, не выселялся за границы «социального большинства». Правозащитники хотят, чтобы «социум» находил в себе силы для всех, кто в нем оказался, и для всех, кто стремится в него попасть.

ВЕЛИКАЯ ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ МИССИЯ ПРАВозАЩИТНИКОВ – ЗАБОТА О ГУМАНИТАРНОМ ЕДИНСТВЕ ВИДА НОМО SAPIENS. Правозащитники отвечают за **максимум возможной** терпимости и гуманности в отношениях между «социальным большинством» и вытесненными или недопущенными меньшинствами. Если правозащитники (все «люди доброй воли» – их так мало) не исполняют этой миссии или исполняют ее плохо – максимум **возможной** гуманности всегда будет оптимумом или даже минимумом. Миссия эта идеалистична, но если она не исполняется – общество погружается в хаос.

ЧТОБЫ ОСУЩЕСТВЛЯТЬ ЭТУ СВОЮ МИССИЮ, ПРАВозАЩИТНИКИ ДОЛЖНЫ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ АВТОРИТЕТОМ В «СОЦИАЛЬНОМ БОЛЬШИНСТВЕ». В этом **парадокс правозащитной миссии**: защищая права меньшинств от агрессивного безразличия «социального большинства» и опирающегося на него произвола власти, рассчитывать приходится на добрую волю того же «социального большинства».

Понятно, что авторитета нужно добиваться. Сама по себе миссия защиты меньшинств не вызывает сочувствия и уважения в «социальном большинстве», а наоборот. И это естественно. «Людям доброй воли» необходимо предпринимать **специальные усилия** и ухищрения для обретения «в народе» уважения к своей деятельности. Это – безусловно и прежде всего – **вопрос стиля**, стиля правозащитной деятельности, писать о котором сложно, который нужно чувствовать. Стилем этим обладали многие западные и некоторые российские выдающиеся правозащитники, прежде всего Андрей Сахаров. Над Сахаровым смеялись, его не любили, но не могли не уважать, не могли не прислушиваться – его не могли не иметь в виду.

Самое простое в этом стиле – не противостоять, а сдерживать. Не самодовольно противостоять большинству, защищая меньшинства, не «доставать» обывателей своей непримиримостью и принципиальностью, а убеждать и поощрять. Уважать всех, с кем бы ни имел дело, самому быть примером соблюдения прав и уважения человеческого достоинства, даже

если перед тобой «ничтожный и ужасный» сотрудник ФСБ.

Ядром правозащитного сообщества не могут быть революционеры и трибуны, хотя и они нужны. Ядром должны быть миссионеры, продвигающие права человека личным примером, подвижничеством, служением, самоограничением (последнее особенно ценно для «социального большинства», ибо подтверждает искренность помыслов). Достаточно вспомнить, как терпимо относились к некоторым христианским миссионерам в абсолютно чуждых духовных средах, включая мусульманские сообщества.

Сегодня этот стиль почти полностью ушел из российской правозащиты, даже из лучших ее представителей. Политическая злость, догматическая заведенность и окол властная суэта пожрали этот великий стиль. Но ничто не гибнет раз и навсегда. Впереди новые поколения российских «людей доброй воли». Они естественно придут к этому стилю, будут заново его осваивать. Благо, среди западных коллег сохранились его носители, есть они в российской околоправозащитной, гражданской гуманитарной среде.

Есть, впрочем, и обязательные практические условия обретения правозащитниками авторитета в «социальном большинстве». Не только продвигать неконвенциональные права меньшинств, но и активно участвовать в защите конвенциональных прав «социального большинства», всячески содействовать продвижению конвенциональных инициатив, новых прав, перспективных для большинства. Это три разных стратегии, три разных вида деятельности (о чем говорилось выше), которые желательно не путать.